
Дмитрий Каннуников
Чёрный дачник
и другие
мистические рассказы

Чёрный дачник и другие мистические рассказы

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Каннуников

Ссылка на публикацию

Чёрный дачник

Далеко от Москвы, в ста километрах, находилось садоводческое товарищество «Яблонька». Участки давали работающим на одном московском заводе, брали неохотно, машин в начале 80-х было мало, а трястись на автобусе 3 часа, да потом по грунтовке 5 километров, чтобы насладиться прелестями природы, особо желающих не было. Но … худо- бедно 200 участков раздали. Ближайший город, вернее посёлок городского типа, был в 20 километрах, а в 4 километрах через речку Кобылку была деревня Кобылятино, дворов на 30-35. За мостик через эту речку была постоянная «войнушка» между деревенскими ребятами и приезжими городскими. Причём «вражда» эта передавалась из поколения в поколение, чертились схемы захвата моста, делались недалеко от моста схроны, копались землянки в лесу, иногда дружили, иногда снова ссорились. Бывало, что с утра «дачные» захватят мост и держат до обеда оборону, пока матери обедать не позовут, а после обеда соберутся - мост уже деревенские оккупировали. Взрослые из деревни относились к дачникам спокойно, даже радовались приходу лета, можно было продавать излишки молока и яиц за «живые» деньги, по осени мясо по сходной цене, да и в местном магазинчике прибыль была. Люди начинали ездить на дачи с конца апреля, когда дорога просыхала, тогда жизнь кипела, ходил автобус из посёлка, включали «летний» водопровод, а в октябре все уезжали в город и посёлок пустел. Проехать по раскисшей грунтовке можно было разве только на тракторе. Деревенские, тоже по негласному соглашению, туда не ходили, чтобы не портить отношения с москвичами.

Вместе со своими заводчанами получил надел в 6 соток и Иван Никодимович со своей супругой Валентиной. Они оба были родом из деревни, поэтому, несмотря на трудности с дорогой, ездили на дачу с удовольствием. Получали по тем временам хорошо, поставили кирпичный дом с печкой, баньку и предмет зависти всех соседей - стеклянную теплицу. Ивану Никодимовичу на даче нравилось. Спозаранку ходил на рыбалку, потом помогал жене в огороде, осенью ходили вместе по грибы. Лес был только со стороны дачных участков, а за речкой было ровное поле до самой деревни, грибов было много. Валентина всегда закатывала на зиму компоты, варенья, грибы, помидоры с огурцами, теплица давала

хороший урожай.

Была у них дочка, Анечка, «пацан в юбке», как её звал отец. Она дружила с мальчишками, отважно защищала мост от деревенских, и была зачинщицей многих шалостей: то тарзанку сделают, то костёр разожгут и шифер в него бросят, то простыни белые оденут и ночью по посёлку бегают, людей пугают… . Приходили жаловаться, но Никодимыч вздохнёт, посмотрит сурово на дочь, та ходит потом извиняется и говорит, что больше так не будет, а потом забывает и снова что-нибудь выдумывает.

Выросла дочь, окончила институт, вышла замуж и уехала с мужем на заработки на Север, там родила им внучку, Катеньку. Приезжали они редко, но раз в неделю звонили домой обязательно, а летом , когда были на даче, ходили в Кобылятино и заказывали с ними разговор на телефон председателя колхоза. Валентина очень скучала по ним, даже порывалась ехать в Сургут, но Никодимыч удержал, всё равно внучку привозили на целое лето раз в два года.

А однажды Валентины не стало. Пошла нарвать помидоров в теплицу, схватилась за сердце и села. Спохватился Иван Никодимович, вынес её из теплицы, думал тепловой удар, стал холодной водой лицо протирать, потом схватил и понёс в деревню, 4 километра на руках нёс, только перестала она дышать, как только мост перешёл, а фельдшер сказал, что умерла.

Много народу пришло на похороны, люди с завода, с дачи, дочка приехала с мужем и внучкой. Весь вечер вспоминали, какая была добрая и работящая его Валентина. Когда стали вспоминать покойную, встал сосед Витька Тихонов, ровесник Анюткин, и сказал:

- Иван Никодимыч, вот говорят все про тётю Валю хорошие слова, а я вспоминаю, как проснёшься рано утром на рыбалку, выйдешь во двор, а за забором вы с ней в две лопаты вскапываете огород, и так ладно у вас получается, друг за другом, главное - быстро, вы же с ней такие половинки, все вам завидовали, хорошая семья. А какие пироги она готовила, какой вкусный квас у неё получался. Я хоть и маленький был, а всегда думал, мне б такую жену, но не встретил пока.

Все зашумели, выпили, и только сейчас понял Никодимыч, что потерял частичку себя, холод поселился в его сердце, холод поселился в душе, холод поселился в теле. Достал он на даче чёрный брезентовый плащ с капюшоном, так и ходил в нём всё лето. Видели его то копающимся, в огороде, то бредущим в деревню в магазин. Местные стали называть его чёрным монахом, а при встрече скрещивали пальцы. А ночью он выходил во двор, садился на качели, которые сделал давно для дочки, и смотрел в тёмное небо, на Луну и звёзды, вспоминал свою Валентину.

Взиииг-взаааааг - скрипели несмазанные качели.

Шли годы, дочка так и не переехала в Москву, всё продлевала и продлевала договор, говорила надо денег побольше заработать, Катечке скоро в институт поступать, а Иван Никодимыч каждый год с весны до поздней осени пропадал на даче. Постарел сильно, морщины покрыли лицо, но каждую ночь выходил он во двор, садился на качели и смотрел на тёмное небо, иногда что-то бормотал, как будто разговаривал с кем-то.

Взиииг-взаааг - скрипели несмазанные качели.

Через год после смерти жены завёл себе собачку. Ну, как завёл. Шёл из деревни на дачу, слышит, кто-то жалобно скулит в кустах, присмотрелся, а там щенок, маленький, чёрный, с белыми лапками, как в чулочках, мокрый, замёрз. Поднял он этот промокший комочек и засунул за пазуху. Принёс домой, оказалась сука, назвал её Жулькой. Стала Жулька его спутницей на все годы, пенсия была маленькая, он сам не всегда сытно ел, но для собаки всегда покупал кости, мясо и другие вкусности. Дом Жулька охраняла хорошо, но детей любила, бегала с ними купаться летом. Бегут они по улице, она посмотрит на Никодимыча, как будто разрешения спросит, а он ей: «Беги уж, чудо!», - и она радостно с ними убегает на речку. Только пьяных она не любила, почует, если пьяный по улице пойдёт, и лает-лает, остановиться не может.

- Никодимыч, ты домой не собираешься, а то смотрю, все уехали, а ты всё в огороде копошишься? Дорога размокнет, и я на джипе уже не проеду до декабря, - за забором стоял председатель товарищества Ванька Терехов. Появился он в посёлке лет 7 назад, купил участок у спившегося Генки Фролова, который в девяностые бросил работу, семью, продал «чёрным» риэлторам квартиру, дачу и пропал. Ванька оказался мужиком зажиточным, обнёс участок высоким забором, построил тёплый кирпичный дом, гараж, завёл злого «кавказца» по кличке Абрек, а через 2 года на общем собрании избрали его председателем садового товарищества. Он сразу развил бурную деятельность: привёз бригаду шабашников, и те построили насосную и водонапорную башни, а вот трубы по участкам тянули уже за деньги самих дачников, но скоро все поняли, что летний водопровод нужен - открыл кран и поливай огород, а раньше приходилось вёдрами таскать из речки или колодца. В перспективе были дорога и газ. Он ездил по разным инстанциям, но пока было непробиваемо, за газ такие неподъёмные деньги запросили, как будто его из Китая поездами надо доставлять, а дорогу даже в Кобылятино не могли построить, хотя деревня и отмечена на карте, но осенью они жили как на острове, даже дети в школу не ходили.

Вообще-то Никодимыч Ваньку уважал, тот иногда ходил по участкам, собирал мнения садоводов о том, как наладить быт и часто заходил к Никодимычу домой попить чаю, пообщаться. Тогда-то и узнал, что у Ваньки, вернее у Ивана Андреевича в 50 километрах своя заправка, с которой он и живёт, а в посёлок планирует переехать и жить круглый год, поэтому и хочет наладить нормальные условия, а ещё как-то рассказал, что в «лихие девяностые» связался с дурной компанией. Решили они денег быстро заработать на одном коммерсанте, но в последний момент, узнав, что всю семью «коммерса» будут «валить», решил «отыграть» назад, жалко стало детей, «повязал» он своих подельников и сдал в милицию. Дали ему год условно, а бандитам по 8 лет. Стали его травить в Брянске родственники «дружков», продал он квартиру и уехал в Подмосковье. Купил старую АЗС по-дешёвке, помог этот самый «коммерс», отдал почти все деньги, даже бензин первое время в долг брал, всю прибыль вкладывал в заправку, только через 2 года стал зарабатывать и купил дачу у них в товариществе.

- Нет, Вань, я останусь на зиму, печка есть, дров заготовил, покушать тоже найду чего, так что уже весной увидимся.

- Я если что, через месяц заскочу, как снег ляжет и дорога подмёрзнет, ты Никодимыч ключ возьми от правления, там хоть телефон есть, наберёшь, если что, - и протянул старику бумажку с 10-значным номером, - это мой сотовый, звони через восьмёрку, как межгород.

- Спасибо, Вань, езжай уж, пригляжу за посёлком.

Так они и расстались.

Через месяц не получилось приехать. Погода была мерзотная, лили дожди, но температура опускалась только до минус одного градуса. Мороза не было, а соваться по такой погоде даже на джипе было чревато, там один раз трактор застрял, второй смог его вытащить только, когда земля промёрзла. Ближе к Новому году наконец-то ударили морозы, и Иван решил съездить на дачу, дом протопить, да и Никодимыча навестить. Подъехал к посёлку и сразу почуял неладное. Высоко, на одной ноте, протяжно выла Жулька, Абрек в багажнике тоже завыл. Ване стало страшно. Он набрал скорую и милицию, обещали приехать, но приехали только через 4 часа. Калитка была заперта, пришлось перелезать через забор. С какой-то яростью на него бросилась Жулька, он подставил под укус левую руку в перчатке, куда она и вцепилась зубами, правой рукой он погладил её по голове, и она сразу резко замолчала, на морде, от глаз шли 2 мокрые дорожки, как-будто от слёз:

- Жулечка, хорошая моя, ну что ты, что ты, что случилось? - гладил её Иван, а сам смотрел на дом, где горел свет. - Эй, Никодимыч!

Подошёл к дому, заглянул в окно:

- Э-э-эй!

В маленькой кухоньке, за столом сидел Никодимыч, уронив голову на стол.

- Э-э-эй! - Ваня постучал в окно, но уже было понятно, что дверь никто не откроет.

Зная, как у нас ведётся следствие, Ваня не стал взламывать дверь, а просто сел на крыльце, трясущимися руками достал сигарету и закурил. Когда через 4 часа приехали «скорая» и милиция, он так и сидел, привалившись к перильцам, а возле ног была гора окурков.

- Эй, мужик, ты кто? - дёрнул его за плечо милиционер.

- А? Закурить не найдётся? - хриплым голосом сказал Ваня.

- Не курю, ты кто?

- Сосед, приехал вот, он один оставался в посёлке, еды привёз, а тут…, - и заплакал.

Дверь вскрыли, за столом, уронив голову, сидел Никодимыч, печка была тёплой, в доме достаточно тепло, из-за чего следователь сразу исключил смерть от переохлаждения. На столе чай и чёрствые баранки, от голода тоже не умер. Эксперт-криминалист снял отпечатки, только Никодимыча, никого чужого в доме не было. Тело погрузили в «скорую» и повезли на вскрытие, а Ивана забрали в отделение, «до выяснения», правда, разрешили ехать на своём «Чероке», но посадили с ним участкового. Продержали сутки в «обезьяннике», не били и выводили во двор покурить. Составили протокол, а когда пришли результаты вскрытия, то отпустили. По результатам оказалось, что просто остановилось сердце:

- Так бывает, старость, - сказал патологоанатом, который проводил вскрытие.

Хоронили Никодимыча на деревенском кладбище. Дочка приехать не смогла, нелётная погода, Иван нанял местных мужиков, которые выкопали в промёрзшей земле могилу, деревенский столяр сколотил гроб, 2 старухи плакали и выли, когда шли за гробом, а после похорон в деревенской избе накрыли стол и устроили поминки. Почти никто из деревенских не знал Никодимыча, поэтому все пили, а разговоры вели на насущные темы. Ваня не

пил, посидел, а потом поехал к себе, где его ждали Жулька и Абрек.

Прошло 2 года, Аня наконец-то переехала жить в Москву, оформила наследство, устроилась работать бухгалтером в одну из фирм. Игорь пока жил на Севере, но тоже собирался переехать, Катя доучивалась последний год в школе, мама подыскивала ей институт в столице. На дачу летом приезжала со своей школьной подругой Ниной. Нина была в депрессии, её бросил второй муж. В глазах Ани она была очень несчастной по жизни. Надо сказать, что Нина работала в крупном столичном банке, получала хорошо, были у неё и квартира, и машина, вот только с мужиками не везло. Тянуло Нину на красавцев-мачо, первого мужа она встретила в ночном клубе, был он стриптизёр, сразу согласился поехать к подвыпившей даме домой после своего выступления, а наутро, как «честный человек», сделал предложение, от которого Нина не смогла отказаться. Она работала днём, он работал по ночам, и однажды без предупреждения приехав на обед домой, Нина застала своего благоверного с молоденькой девицей. Очень расстроилась, повернулась и выбежала из квартиры, поехала на работу, а вечером её ждал сюрприз. Мужа она уже не застала, зато с мужем пропали деньги и драгоценности из сейфа, из гаража пропала машина. Осталась записка, что любовь прошла, он уходит и берёт половину нажитого совместного имущества, на квартиру не претендует. То, что они женаты были 2 месяца, наверное, всё объясняло. Она подала на развод. Второй муж был «светский лев», высокий красавец-блондин, который любил вечеринки, но очень не любил работать. Встретила она его на одной вечеринке у знакомых. Хозяйка дома решила устроить её личную жизнь, познакомила их. Он улыбался белозубой улыбкой (130 тысяч отдал, небрежно уведомил он), был, казалось, вершиной остроумия, весь вечер рассказывал анекдоты, незатейливо поддерживал беседы на любые темы. «Вот тот мужчина, с которым можно свить гнёздышко», - подумалось ей.

В конце вечера он ненавязчиво напросился в гости, она была не против, правда в постели напрягалась только она. Утром он принёс ей кофе в постель, она опять понапрягалась, чтобы получить утренний оргазм и поехала на работу. Он, оценив интерьер, узнав, где она работает, сделал ей вечером предложение, с цветами и шампанским, купленными, как потом оказалось, на деньги, занятые у приятеля. После того как расписались (не надо никаких излишеств) и провели медовый месяц в Турции, в пятизвёздочном отеле (у меня все деньги в бизнесе, я потом отдам), он объявил, что он хочет от неё ребёнка, но чтобы ребёнок рос в достатке, он должен заработать много денег. Партнёр, с которым он работал, его кинул, присвоив все деньги на иностранных счетах и офшорах, но если она у себя в банке возьмёт кредит, то он «отобьёт» его через месяц и даже утроит. Конечно, она поверила (как не поверить), конечно, она взяла кредит, а он взял деньги и, якобы, улетел в Германию, где у него, якобы, был прибыльный бизнес.

Встретила она его случайно в Москве, стоял он пьяный у казино и ловил такси. Она остановилась, он сел, сразу её не узнал, а потом начал рассказывать, что вернулся срочно из Италии, где у него бизнес, потому что тяжело заболела мама. Он всё продал, даже квартиру в Москве, чтобы оплатить её дорогостоящее лечение за границей, но мама всё равно умерла, а он упал на дно, спился, потерял всё, и… может, они поедут к ней… . Она быстро сориентировалась, отвезла незадачливого пьяного Казанову в ближайшее отделение милиции, написала заявление, что он вынудил взять её кредит, а там оказалось, что его разыскивают как минимум по 5 таким же эпизодам по всей России. Короче, развелись. И Нина уже готова была отчаяться и запить горькую, но тут в Москве появилась школьная подруга Аня. Они встретились, посидели в ресторане, вспомнили школьные годы и решили не теряться. По выходным встречались, гуляли, ездили на дачу, Аня тоже скучала по семье, которая осталась на Севере.

Однажды летом, когда они с Ниной были на даче, к ним вечером зашли соседи с маленькой дочкой. Пока они сидели в доме и пили чай, девочка играла во дворе. Аня вышла на крыльцо посмотреть, что она делает, и увидела, как девочка стоит у качелей и с кем-то разговаривает. Качели еле-еле раскачивались. Аня подошла поближе и услышала:

- Дедушка, а у тебя есть внучка? - дальше тишина, как будто девочка прислушивается к кому-то. - А как её зовут?

- Ты с кем разговариваешь? - спросила Аня.

- С дедушкой, - повернулась к ней девочка и показала на качели. - Вот он.

Она повернулась:

- Ой, а куда он ушёл?

Поздно вечером Аня вышла во двор и села на качели. Ей стало грустно, она вспомнила маму, папу, как отец сделал эти качели для неё, как она плохо поступила, что не приехала даже на похороны, что папу надо было хоронить рядом с мамой. Она расплакалась и даже не заметила, как качели раскачивались всё сильнее и сильнее, как папа раскачивал её в детстве. Она испугалась и зажмурилась, а качели стали постепенно останавливаться.

Взиииг-взаааг.

- Надо будет смазать, - подумала она, но на следующий день забыла об этом.

Новый год решили отметить на даче. У Нины был «паркетник», решили, что если даже застрянут, то XXI век на дворе, у всех сотовые телефоны, потеряться очень

сложно. Прилетела Катя, а Игорь остался продавать квартиру в Сургуте и упаковывать вещи, которые надо будет забрать в Москву. В новом году семья должна была воссоединиться, и Аня очень радовалась этому. «Жалко родители не дожили», - иногда думала она. Заехали в магазин, закупили продуктов на неделю, взяли ящик шампанского. Настроение было предпраздничное. Проехали нормально. Пару раз чуть не застряли в колее, но пронесло. Приехали, протопили дом, в баню решили пойти на следующий день, занялись приготовлением салатов. Стемнело рано, вдруг в дверь постучали:

- Нина, открой, Дед Мороз, наверное, - весело крикнула с кухни Аня.

- Сейчас, - Нина открыла дверь, и тут же влетела в комнату от сильного удара по лицу.

- А-а-а-а, - закричала Катя, в дом ввалились три мужика и стали их бить и связывать…

Иван Терехов утром, перед Новым годом заехал на «заправку».

- Здравствуйте, Иван Андреевич, - кассир Лена вежливо улыбнулась.

- Всё нормально, без происшествий?

- Да, слава богу, народ едет, заправляются, у нас дешевле, чем у соседей. В гостинице шесть номеров заняты из восьми, поляки решили Новый год здесь встретить. В магазин вчера товар завезли, думаю, на праздники хватит, кафешку тоже продуктами затарили. Вам оставить номер, вы с нами Новый год празднуете?

- Нет, на дачу поеду, инкассация приезжала?

- Да, у них сегодня короткий день, забрали вчерашнюю выручку.

- Ладно, пойду Василия предупрежу и поеду.

Он зашёл к себе в кабинет, вернее кабинетик, 3 на 3 метра, где стояли стол с компьютером и небольшой стеллажик с папками, где хранилась отчётная документация. Открыл потайной сейф в стене, достал конверт с деньгами, чёрный нал на всякий случай, мало ли, налоговая или проверяющий какой, может, срочно докупить что надо, на рынок съездить. Отсчитал 75 тысяч. В 7 конвертов положил по 5 тысяч, остальное в портмоне. Спустился вниз. Зашел к Лене, дал ей конверт:

- С Новым годом!

- Спасибо! И вам хорошо отметить.

Потом зашёл в гостиницу, дал по конверту охраннику Василию, администратору Аллочке, уборщице Галине Викторовне, зашёл в кафешку, вручил по конверту повару Антонине и официантке Любе. Последний конверт отдал заправщику Мише. Вот такой нехитрый штат. Жили они на заправке. Лена и Василий были женаты, Галина Викторовна - их мама, а Алла дочь. Миша и Антонина тоже были молодой парой. Все они - беженцы из Приднестровья. Иван приютил, дал им жильё и работу, и более преданных людей не было на свете. Дал последние указания по работе в новогодние праздники, положил в машину пакет с костями для Абрека и Жульки, которую оставил у себя, и второй пакет с приготовленными Антониной вкусностями для новогоднего стола и тронулся в сторону дачи. Он даже не обратил внимания на старый «жигуль», которые ехал за ним до поворота на просёлок. Приехал домой, открыл ворота, загнал машину. Абрека, которого держал в большой, специально сваренной из толстой арматуры клетке, решил пока не выпускать во двор, зашёл, положил ему костей, Жулька просто жила во дворе, в маленькой конуре, ей тоже досталось косточек с мясом. Затопил печь. Пока дом протапливался, заварил крепкого чаю и достал из пакета пирожки с картошкой и мясом, его любимые, Антонина очень вкусно их пекла. Включил телевизор и стал в очередной раз смотреть «Иронию судьбы». Вдруг во дворе залаяли Абрек и Жулька, лаяли громко и злобно, Жулька завизжала и замолчала. Иван сорвал со стены ружьё, вогнал 2 патрона, открыл дверь и вышел во двор. Увидел таджика, который шёл на него с окровавленной трубой, увидел лежащую окровавленную Жульку:

- Ты кто? - Иван вскинул ружьё, дальше в голове как будто взорвалась граната.

Сом и Кока «откинулись» в мае. Восемь лет от звонка до звонка. В «лихие девяностые» они покуралесили по Брянщине. Числилось за ними и убийства, и вымогательства, но доказать не могли, хорошо заметали следы, а вот на последнем «коммерсе» в конце девяностых прокололись, вернее, прокололись с выбором напарника. Кока предложил Тереха, здорового парня, качка. С виду тупой, он быстро просёк, что придётся валить и «коммерса», и жену его с детьми, да и от него самого, скорее всего они бы избавились, как от свидетеля. Вырубил он одного, потом второго и сдал ментам. Если бы его кинули в СИЗО, там бы его и «кончили», только менты его как пособника отпустили под подписку. Он и был главным свидетелем на суде, с его слов им и впаяли «восьмерик». Сом - кряжистый невысокий мужик, с приплюснутым черепом, большими губами и большим сплющенным носом, внешне напоминал эту рыбу, хотя кличку получил в школе от инициалов - Сергей Олегович Меркулов. На зоне его звали Меркулом, но Кока по привычке Сомом. Кока - не потому, что

кокаинщик, а потому что Костя. Кокой его в детстве звала мама, в школе его тоже так звали, вот и осталось на всю жизнь, невысокий, верткий, чернявый мужичок. Сидели они на одной зоне, были в одном отряде, даже шконки у них были рядом. За восемь лет они придумали много чего, что сделают с Терехом, когда до него доберутся.

На воле их встретил Ренатик, худосочный, вертлявый татарин, который не замолкал ни на минуту. Он «откинулся» год назад, был должен друзьям, они помогли ему на зоне, когда того хотели «опустить», как бывшего мента. Сидел он за взятки, брал у всех, так как занимался экономическими преступлениями, но не все дела закрывал, на чём и попался. Сдал его один предприниматель, его и взяли на горячем. Он по своим каналам уже пробил, куда переехал Терехов, они бы сразу рванули мстить, но главным вопросом были деньги.

Ренатик устроил их в одну шарашку, которая строила коровники в дальнем Подмосковье, как раз недалеко от того места, куда переехал Иван. «Пахали» они почти полгода, а денег заработали только на подержанный «жигуль»-девятку, который купили по доверенности у одного спившегося деревенского мужика. Ещё они приютили таджика, он пристрастился к «беленькой». Кокда напивался, вёл себя непотребно, и соотечественники его выгнали из вагончика, где они жили, на что Садык напился и обещал их убить.

Сом собрал Коку, Ренатика и Садыка:

- Перед Новым годом у него наверняка «чёрного» нала будет куча, надо на бабло его кинуть, а самого кончить, сейчас не «девяностые», менты по ветру нос держат, но уйдём по-чистому, подкараулим его, до хаты доведём, там дожмём. Думаю, бабло у него на хате, вряд ли он его в банк сдаёт.

- Так и решим, - сказал Кока.

- Э, брат, давай перед отъездом с таджик разберёмся, - сказал Садык, по-русски он говорил почти без акцента, так как на родине ходил в русскую школу.

- Э, брат, это твои дела, - сказал Ренатик, - нас не впутывай.

Перед отъездом Садык подпёр дверь вагончика, где жили его соотечественники, облил солярой и поджог. В машине достал бутылку водки из кармана, выпил залпом и стал горланить песни на своём языке.

- Заткни его, - сказал Сом Коке, котрый ехал на заднем сидении рядом с Садыком.

- Слышь, заткнись, а.

- Э, я брат свой убил, родственник, а ты заткнись, да, - Садык начинал заводиться.

- Заткнись, - сказал Сом.

- Да пошёл ты, э, мудак сраный.

- Притормози, - сказал Сом Ренатику, который был за рулём, тот послушно съехал на обочину.

Сом неторопливо вылез, открыл заднюю дверь и вытащил за шкирку щуплого таджика:

- Ты чего это, сука, базланишь тут. Чурка злоебучая. Кто тебя просил этих мудаков жечь?

- Шайтан попутал, не хотел я, шайтан попутал.

- Вот сиди, хлебало завали и кайся, но про себя, чтоб я тебя не слышал, понял?

Садык закивал.

Чтобы получше проняло, Сом двинул ему в солнечное сплетение и засунул назад в машину.

- И запомните, сейчас жизнь другая, «вышки» нет, делай что хочешь. Если адвокат будет хороший – так, «пятнашка» или «четвертной», а так, даже если пожизненно, всё равно жить будешь. Поехали. Всё это туфта, муки совести, мудовые рыдания. Мы с Кокой как-то заказ взяли на одного лесника. Мешал он братве лес рубить и полякам продавать. Нас один местный к нему привёл, Гридя, думал, дурак, что мы пуганём и отвалим. Но мужик пуганный был, матёрый. Жил на заимке у себя. Мы ночью ввалились, всю семью повязали, жена, две дочери и малой пацанёнок. Кока ему сразу из обреза ногу прострелил, чтобы не дёргался. Всем рты позаклеили, баб по кругу, на малую сил не хватило, так Кока ей в жопу кочергу засунул, она живая была ещё, когда дом подожгли. Да и сам мужик орал так сильно, что из глаз кровь пошла, мы ж сына его почти нашинковали при нём. Огонь всё списал, а Гридя с «катушек съехал», рванул в лес, мы его догнали и «кончили», закопали в лесу. Я так понимаю, менты на него всё и списали.

- Помню это дело, кипеж был, из Москвы следаки приезжали, списали-то на местного, Гриднева, а дело всё равно не закрыли там, по-моему, награда ещё назначена, - сказал Ренатик.

Сом, как-то тяжело на него посмотрел, что Ренатику стало неуютно, как будто холодом обдало.

«Будет рыпаться, кончим, а вообще надо кровью повязать», - подумал Сом. А вслух продолжил:

- Так вот, мужик мне этот не снился, Коке тоже, да и другие, так что хрень всё это, совесть-мовесть. Ты Садык водки напейся, и всё пройдёт.

- Да он и так уже, - сказал Кока и показал на Садыка, который спал, пустив слюну на воротник куртки.

Приехали они на заправку ночью, заправились, гостиницу брать не стали, мало ли, вдруг наткнутся на Тереха, ночевали в машине, в лесу, недалеко от АЗС. Утром подъехали, заправились ещё раз и отъехали на удаление, откуда было видно, что творится на заправке. Ренатику повезло, его отправили посидеть в кафешку, заодно посмотреть, что и как. Терех приехал утром, Ренатик его сразу срисовал, здоровый такой детина на «Чероки». Побыл недолго, походил, всех поздравил, забрал какие-то пакеты и поехал. Ренатик добежал до машины, прыгнул за руль:

- Вот он, - показал на машину Сому.

- Давай за ним, только не отсвечивай.

Через сорок минут «Чероки» свернул на просёлочную дорогу, «жигуль» сунулся за ним и сел в колею.

- На этой шайтан-арбе не проедем, - резюмировал Садык.

- Тогда пешком, не может он далеко ехать,- сказал Сом, - тут или деревня, или посёлок дачный, если бы город, то дорога нормальная была бы. Хорошо, значит, людей будет немного, судя по следам, тут одна или две машины проехало.

Шли по следу 2 часа, начало темнеть, увидели посёлок, понаблюдали из леса. Центрального освещения не было, в домах свет не горел.

- Хреново тут как-то, как на кладбище, - сказал Кока.

- Однако след сюда ведёт, - ответил Сом, - ладно, пошли, если кто-то левый, то гасим без разбору.

Пошли по следам машины, свернули на улочку и тут залаяли собаки.

- Быстро, быстро, Садык, ты через забор, гасишь собак, Кока, ты к дому, если выйдет, гасишь Тереха, у него ствол может быть.

Сом и Ренатик подставили руки, и Садык с Кокой перемахнули забор. Садык подобрал обрезок трубы и побежал к Жульке, сразу же оценив, что «кавказец»

заперт в клетке и угрозы не представляет, стал бить Жульку обрезком трубы, с первого раза попал по голове, она завизжала и замолкла, он ещё пару раз ударил её для верности, на снег брызнула кровь. Потом разогнулся и побрёл к крыльцу, где сбоку встал с какой-то палкой Кока. Дверь распахнулась, и на крыльцо выскочил мужик с ружьём:

- Ты кто? - закричал он и вскинул ружьё, но не заметил, как сбоку из-за двери шагнул Кока и ударил его палкой по голове. Мужик упал, а Кока выхватил ружьё и наставил на Тереха. Потом начал его бить ногами:

- Сука, сука, восемь лет, я сам тебе лично яйца отрежу и заставлю сожрать, сука. Иди ворота открой, - это он уже Садыку.

Садык пошёл отпирать ворота.

- Где этот сучоныш? - во двор вошёл Сом. - Ты его не кончи ненароком, вот бабло отдаст, тогда уже оторвёмся, а вообще хорошо, никого нет, можно до весны перекантоваться.

- Мне тоже нравится, и этого мудака, думаю, не схватятся, хотя на бензоколонке наверняка знают, где он живёт, уходить придётся.

- Так мы на джипе. Теперь, думаю, напишет этот дятел доверенность на нас, сейчас от руки можно, - и весело заржал, - ладно, давай его в дом.

Пришёл Иван в себя, тело содрогалось от ударов, боль пришла позже, болела голова, всё тело.

- Подожди, Кока, он нам пока живой нужен, - услышал Иван.

- Дай, Сом я ему по яйцам двину, восемь лет мечтал.

Острая боль в паху, и он опять потерял сознание.

- Слышишь меня, Терех? - на лицо полилась вонючая жидкость, он зажмурился.

- Да ему ссы в глаза, что божья роса, - засмеялся второй, - ладно, не придуривайся.

И что-то горячее прижгло руку, он застонал и открыл глаза.

Лежал на полу, руки связаны за спиной, ноги связаны, кто-то стоит сзади и перед носом водит раскалённым кончиком кочерги. За столом сидит смутно знакомый мужик. Хотя почему смутно? Это же Сом, значит, придурок, который стоит сзади, - это Кока, садист и дебил. Рядом с Сомом за столом сидит какой-то чёрный худосочный мужичок, похожий на татарина. Сзади открылась дверь,

потянуло холодом, зашёл ещё кто-то.

- Садись, Садык, да и ты, Кока, никуда он не денется, долго подыхать будет, а сначала отдаст всё, что есть, да, Терех?

- Сууука, - лицо разбито, губы треснули, на пол капает кровь, - всё равно вас найдут.

- Найдут, конечно, только тебе это уже не поможет, а мы свою «пятнашку» отсидим, - и заржал.

- Гыыыы, - поддержал его Кока.

Сом разлил всем из литровой бутылки «Джек Дэниэлс». Иван сам не пил особо, но для гостей всегда держал в баре элитное спиртное.

Они выпили, стали закусывать пирожками, салатами, которые ему приготовила на Новый год Тоня. Налили, ещё раз выпили.

- Ты, Терех, думаешь, что всё так тебе с рук сойдёт? Нет, мы восемь лет ждали. Умирать будешь долго, целую программу разработали, Кока мастер на такие придумки. А пока скажи, где у тебя здесь бабло хранится?

- Да нет у меня здесь бабла, в кошельке посмотри, всё остальное в банке и в сейфе на работе.

- Есть кто-нибудь ещё в посёлке?

- Не знаю, вряд ли, сюда зимой никто не ездит.

- Ты, Садык, всё равно по посёлку пробегись, глянь, может ещё кто есть, нам свидетели не нужны, а ты Ренатик поищи утюг, вспомним молодость.

- Зачем утюг, Сом, дай я его кочергой.

- Погоди ты кочергой, потом, утюг страшнее, лежит себе на спине и нагревается.

Иван задергался:

- Я правду сказал, нет денег здесь, не держу, в кошельке 40 штук на мелкие расходы.

Сом достал портмоне из куртки:

- Да, не густо, тогда утром позвонишь своему охраннику, скажешь ему, чтобы человечка пустил к тебе в кабинет, чтобы, типа, документы забрать, и скажешь код сейфа, тогда ещё подольше поживёшь.

- Тёлка, тёлка там, - в дом вбежал Садык, - 3 тёлка, одни, одна совсем, молоденькая, вай мэ.

- Далеко? - спросил Сом.

- На соседней улица.

- Пойдём, отметим Новый год, - сказал Кока, - я восемь лет баб не трахал.

- А с этим что? - спросил Ренатик.

- Да хрен с ним, к стулу привяжем или подвесим, потом оторвёмся, - сказал Сом.

Привязали его к стулу, стул повалили на бок, чтобы не прыгал, а то в фильмах разное показывают, ноги привязали к передним ножкам и пошли. Во дворе в клетке лаяла и бесилась собака.

- Кончи её, стрелять не хочется, переполошим всех, - сказал Сом, который захватил с собой ружьё.

Садык взял арматурину, которая стояла возле дома, осталась после строителей, и проткнул Абрека, тот заскулил и упал.

- Ворота прикрой.

Дорога на соседнюю улицу шла параллельно крутому оврагу. Сом посветил вниз фонариком, который нашёл в прихожей у Тереха, свет еле доставал до дна, внизу росли какие-то кусты и лежали поваленные деревья.

- Потом, если что, трупы сюда кинем, - резюмировал он.

- Да, глубоко, сразу никто туда и не сунется, - сказал Кока.

Подошли к дому Никодимыча, постояли. Если бы собака была, давно бы уже залаяла.

- Я окно смотрел, две женщина и один девушка, персик. Сом, дай я первый, да.

- Посмотрим, ладно заходим, вяжем, а там будем смотреть, что с ними делать.

- Стучи, - сказал он Коке.

Тот постучал, услышал за дверью:

- Нина, открой, Дед Мороз, наверное.

Замок щёлкнул, он навалился на дверь, втолкнул в комнату высокую, красивую женщину и бросился к закричавшей девушке. Следом ввалились остальные. Нину ударили по лицу и завернули руки, связали. Аня в этот момент стояла спиной к двери и резала салат, она обернулась на крик и кинула в нападающих нож, он плашмя попал в Ренатика:

- Сука, - он ударил её по лицу, начал заворачивать ей руки назад и крикнул Садыку, - вяжи её.

Садык вытащил из кармана скотч, который он забрал у Ивана, сноровисто связал руки Ане и Нине. Потом подошёл к Кате, которую держал Кока:

- Вай, хороший девочка, - и стал мять ей грудь, - очень хороший. Садык первый тебя будет ипать.

Катя хотела закричать, но Сом взял со стола мандарин с кожурой и засунул ей в рот:

- Замолчи, сука.

Садык подошёл к окну и увидел качели, свет туда еле доходил, поэтому качели еле различались в темноте, но ему показалось, что на качелях кто-то сидит в чёрном плаще с островерхим капюшоном на голове.

Взиииг-взаааг - противно скрипели качели.

- Кто это? - закричал он от страха, показывая пальцем в окно.

- Где? - к окну подошёл Сом.

- На качели сидел.

- Не вижу никого, бредишь что ли?

- Да нет, видел я его, на качели сидит и качается.

Он повернулся к окну, качели были пустые, слегка раскачивались, как будто от ветра.

- Ренатик, посмотри, в сарае не прячется больше никто?

Ренатик взял на всякий случай фонарик и пошёл осматривать сарай в конце участка.

- А с вами повеселимся, Новый год через полтора часа, - повернулся Сом к женщинам.

- Не трогай их, пожалуйста, - вдруг сказала Нина, - я всё сделаю, только их не трогайте.

- Ты и так всё сделаешь, даже если я их трону, у тебя выбора нет, - сказал Сом, - давай Кока её развяжи, а ты, сука, раздевайся и раком вставай.

Нина стала снимать джинсы, оголила длинные красивые ноги, в тишине Садык громко сглотнул слюну. Встала на колени.

- Кока, ты в рот ей суй, а я в жопу, давно у меня бабы не было, только мужики на зоне. Ха-ха. Садык, смотри не захлебнись.

Аня тихо прошептала Кате:

- Закрой глаза, не смотри, - та, послушно закрыла глаза.

- Смотри, укусишь - при тебе их резать буду, - сказал Кока, - будь пай-девочкой и получай удовольствие.

Он всунул ей член в послушно открытый рот.

- Бля, красивая жопа, - смачно шлёпнул Нину по попе Сом, потом потёрся вставшим членом по ягодицам и вдруг с силой вдавил его в анус. Нина зажмурилась, хотела закричать, но во рту был член Коки, слёзы брызнули из глаз, в попе что-то чвакнуло и между ног полилась кровь, было очень больно.

- Я выдержу, я всё выдержу, главное, чтобы не тронули Аню и Катю, - думала она, а Сом всё глубже и глубже засовывал в неё свой член.

Ренатик зашёл в сарай, включил свет, под потолком загорелась тусклая лампочка. Посередине сарая стояла приставная лестница. Она опиралась на люк в потолке, который вёл на чердак. Сарай был небольшой, но крыша высокая, по краю люка шла проводка, в одном месте провод был не закреплён и свисал полукругом. На чердаке что-то зашуршало. Ренатик поднялся на несколько ступенек и включил фонарик, поднялся ещё на одну, голова уже была на уровне люка. Вдруг внизу что-то упало и выключился свет, он резко повернулся, и голова попала в свисающий полукруг провода, сильный толчок в плечо и он завернулся волчком, провод закрутился на затылке, руки лихорадочно искали, за что бы зацепиться, ноги соскочили со ступенек. Он стал задыхаться, ноги и руки болтались как у марионетки, всё медленнее и медленнее, в итоге последнее, что он увидел, это фигуру в чёрном плаще и островерхом капюшоне, взгляд потух, руки и ноги опустились, кишечник опорожнился, завоняло мерзостно, и тут включился свет.

Взиииг-взаааг - противно скрипели, раскачиваясь, старые качели во дворе.

- Куда Ренатик запропостился? Сходи, посмотри, Садык, - сказал Сом, вытирая член полотенцем. Кока всё не мог кончить и, держа Нину за волосы, старался засунуть ей член поглубже. Она задыхалась, слёзы текли по лицу, были рвотные позывы, но ничего не могла сделать, руки держали её за волосы, ограничивая движения головы.

Садык вышел, прибежал через несколько минут с криком:

- Он тама висит, совсем дохлый.

- Ты чё несёшь, чурка? - Сом засунул своё хозяйство в штаны, схватил ружьё и выскочил из дома. Кока отшвырнул Нину в сторону и тоже побежал наружу, застёгивая штаны.

В сарае пахло отвратительно, посередине сарая в закрученном на шее проводе висел труп Ренатика. Провод был под напряжением, резать не рискнули. Кока поднялся по лестнице на чердак, там было пусто, осмотрели сарай - пусто.

- Херня какая-то, - сказал Сом, внимание его привлёк маленький топорик туриста с гнутой рукояткой. Он взял его, подержал в руке и передал Садыку, - держи.

Сам взял топор побольше с деревянной рукояткой, повернулся к Коке:

- Ты вот что, бери ствол и беги к Тереху, посмотри, если развязался и свалил, сразу сюда, будем ловить, если лежит и не рыпается, то выключи его и назад.

Они с Садыком вернулись в дом.

Кока побежал на соседнюю улицу, когда он пробегал мимо оврага, то ему показалось, что там кто-то есть. Он остановился, включил фонарик, подошёл к краю оврага, стал светить вниз. Внизу лежала старая сосна, сухие ветки которой торчали в разные стороны. Как будто внизу мелькнула какая-то тень, он встал на краю оврага и нагнулся. Сильный удар в спину, и он кубарем покатился вниз, выронив ружьё. Приземлился он пятой точкой на крепкий сук, джинсы лопнули и острый сук прошёл между ягодиц:

- А-а-а-а-а, - заорал, вернее, даже завыл он, ноги скользили по снегу, и сук всё глубже и глубже вонзался в задницу, разрывая внутренности. Боль, страшная боль. На снег полилась кровь и стала парить, он снова завизжал, - а-а-а-а-а!

Кока поднял голову вверх и увидел, что на краю оврага стоит и наблюдает за ним тень в чёрном плаще.

- Помогите, - прошептал он и потерял сознание от боли.

Взиииг-взаааг - противно скрипели, раскачиваясь, качели.

Когда Сом и Садык вошли в дом, то увидели, что Нина подползла к лежащей на полу Ане и пытается перегрызть скотч на руках, но рот не закрывался, похоже, вывихнула челюсть.

- Ты что творишь, сука, - Сом подбежал и ударом в живот откинул её в угол, она отлетела и затихла.

- Сом, ты мне девочка обещал, - сказал Садык, глядя маслеными глазами на Катю.

- Да обожди ты, вишь, чё творится, - и тут они услышали крик, даже, скорее, вой. - Кто здесь ещё есть?

Он схватил Аню за лицо, больно сжал:

- Говори, сучка, ну?

- Не знаю, не видели никого.

- Садык, тащи девчонку, будем пальцы отрубать, пока мамаша не вспомнит.

Он схватил Катю, разрезал скотч, рывком подтащил её к столу. Рванул руку и положил на стол:

- Руби! - в голосе его слышалась истерика. - Руби, сука, или я тебя кончу.

Садыка испугал вид Сома, он его никогда таким не видел, истерия передалась и ему. Он подбежал к столу, размахнулся топориком, Катя потеряла сознание, Аня заорала, и тут выключился свет. Несколько секунд. Потом свет включился, и Аня увидела, что лезвие топорика пробило череп Сома прямо посередине лба, а рукоятку топорика держит рука Садыка.

- А-а-а-а, шайтан, - вдруг заорал Садык, выпустил рукоять из рук и бросился бежать на улицу.

Удивленные глаза Сома медленно потухли, и он упал на бок под стол, топорик так и торчал у него в голове.

Взиииг-взаааг - противно скрипели на улице качели.

В углу застонала Нина.

- Нина, Ниночка, очнись, - причитала Аня, - развяжи меня, надо милицию вызвать.

Нина с трудом приподнялась, увидела нож, который так и валялся на полу, с трудом подняла его, непослушными пальцами подержала его, чтобы Аня разрезала скотч, потом опять потеряла сознание. Аня подбежала к Кате, та лежала бледная, без сознания, потёрла виски:

- Доча, дочуша, - Катя открыла глаза, - ну, слава богу.

- Мама, дедушка на фотографии улыбается, - показала она пальцем на свадебную фотографию бабушки и дедушки.

- Да, доча, да, улыбается и бабушка улыбается, - она поцеловала дочь, поднялась и пошла к двери, чтобы закрыть её на замок, потом нашла телефон и вызвала «скорую» и милицию.

Приехали и те и другие через 4 часа, по дороге поймали седого, как лунь, Садыка. Он, когда увидел милицейскую машину, ломанулся через поле, снега там было по пояс, но бежал он настолько шустро, что его еле догнали на машине в объезд на другом конце поля. Он сидел в наручниках в машине, тряс головой, показывал за спины милиционерам и всё время повторял:

- Шайтан, я не хотел, шайтан заставил, вот он, он заставил.

Милиционеры поворачивали головы, но сзади никого не было, в итоге вкололи ему успокаивающее и повезли в участок.

Сразу забрали и увезли в больницу Нину и Ивана, которого нашли по горящим в доме окнам. Для Сома и Ренатика пришлось вызывать труповозку. Нине зашили прямую кишку и вправили челюсть, а Иван пролежал 3 месяца, были сломаны рёбра, ожоги, отбиты внутренности. Нина, когда её выписали, потом приезжала к нему в больницу, ухаживала. Иван, когда выписался, сделал ей предложение, и они поженились. Через год она родила ему мальчиков-близняшек.

Кока прожил ещё сутки. Его нашли по стонам, он то приходил в себя, то терял сознание. Снять с сука его не удалось, поэтому сук отпилили у основания, его подняли из оврага и отвезли в больницу. Операция была бессмысленна. Рядом с ним сидел следователь и записывал его показания на диктофон, когда он приходил в себя. Боль он терпел страшную, даже обезболивающие не помогали. Рассказал он много чего, сдавал всех своих подельников, по Брянской области сразу закрыли многие «висяки». За час до смерти попросил привезти к нему священника, хотел покаяться в грехах, но батюшка к нему не успел. Перед самой смертью он показал пальцем следователю за спину и сказал:

- Вот у него спросите, это он нас убил... - и умер.

Следователь оглянулся, за спиной никого не было, пустая палата, в протокол он это вносить не стал.

Катю и Аню ещё полгода таскали по следователям. Ну не верили они, что бывший мент Ренат Саифутдинов повесился сам, а подельник Сома Садык вместо того, чтобы отрубить пальцы девочке, засветил в лоб топором самому Сому. С Константином Самыгиным было всё понятно - подскользнулся, других следов рядом не было, а во все бредни типа погасшего внезапно света следователи не верили. Игорь прилетел из Сургута сразу же и ходил с ними, в конце концов ему это надоело, он нанял для них адвоката, который поприсутствовал на паре допросов, написал пару жалоб и от них отстали.

Ивана и Нину после того, как выписались из больнице, тоже начали таскать, но, по совету Игоря , Иван нанял того же адвоката и про них забыли.

Виноватым оказался Садык. Доказательная база была обширной: и отпечатки на топоре, которым убили Сома, и отпечатки на трубе и арматуре, которыми убили собак. Экспертиза признала его вменяемым и «накрутили» ему на полную катушку. Слушания длились 2 дня. Аня, Катя, Нина и Ваня были свидетелями. Трудно было в седом морщинистом старике узнать одного из нападавших, тем более, что по паспорту ему не было и сорока. Он то бормотал что-то по-таджикски, то вдруг на чисто русском, почти без акцента, давал показания, рассказал, как сжёг вагончик с людьми, как убил собак, как хотел изнасиловать Катю, как вдруг выключился свет и непонятная сила направила руку с топором в голову Сома, говорил, а сам смотрел в дальний угол, как будто там кто-то был. Многие оборачивались, но там никого не было, просто пустой угол. В итоге получил он пожизненное и сгинул на зоне.

Как-то ранней весной, когда потеплело, решили кобылятинские задиры Ванька Шамшин и Сенька Захаркин отомстить городским дачникам. Просёлок по обочине просох, на великах можно проехать. В планах было подъехать к посёлку, покидать камни в окна, а если повезёт, то и полазить в доме или сарае - может, что-нибудь интересное забыли дачники, уезжая домой. Слухам про чёрного монаха они не верили, враки всё, для детей, а им уже по двенадцать. После школы рванули они по полю в сторону посёлка. Пешком бы не пройти, просохла небольщая полоска поднятой из колеи земли, а по обе стороны грязь, но на велике в самый раз. Когда переехали мостики, до посёлка оставалось с полкилометра, у обоих лопнули колёса на велосипедах. Причём сразу все четыре. Ванька спрыгнул вовремя, а Сенька упал на бок. Осмотрели землю вокруг - ни гвоздей, ни стёкол битых. Посмотрел Ванька вперёд, а возле леса стоит мужик в чёрном плаще, с остроконечным капюшоном на голове, а у ног его как будто маленькая собачка. Перепугался Ванька, велосипед схватил на руки и

обратно через речку. Вернулись домой поздно ночью, тащили на себе велосипеды с пробитыми колёсами.

А на местном кладбище скоро построили часовенку в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Сообщество «Мёртвые души»

Он проснулся ночью в холодном поту, снились огромные, жёлтые глаза в темноте, которые смотрели, не моргая, от этого взгляда хотелось убежать, но страх приковал к месту, сердце замерло, подскочило к горлу, наверное, так чувствует себя кролик под взглядом удава. Он попытался дёрнуться … и проснулся. В большое окно на всю стену лился лунный свет, в кровати напротив спал сосед Лёха, отвернувшись к стене. Комната в общаге была перегорожена наполовину старым шкафом, за шкафом по договорённости стоял рабочий стол с компьютером, чтобы если кто-то засидится допоздна, не мешал отдыхать соседу. За шкафом был виден голубой свет:

- Опять Лёха комп не выключил, - мелькнула мысль, - завтра пиздюлей выпишу.

Он встал, обогнул шкаф и остановился, как вкопанный. Комп работал, синим светом горел экран, на купленном вскладчину кожаном кресле кто-то сидел, судя по светлым, волнистым, длинным волосам - девушка:

«Лёхина подружка очередная. Когда он успел её привести, мы же вместе ложились?» - подумал он. А вслух спросил:

- Ты кто, прекрасная незнакомка?

- Я Лена, - она повернулась. - Помнишь меня?

- Оп-па, не ожидал, - в девушке он узнал подругу, с которой переписывался 3 месяца в соцсети, они оба состояли в странном сообществе «Мёртвые души», там было много красивых девушек, которые писали про свой сексуальный опыт, рассказывали какие они развратные, ему нравилось переписываться с ними. Под «ником» Елена Прекрасная там была и эта девушка, но жила она далеко, где-то в Сибири. - Ты здесь какими судьбами?

- Я за тобой пришла. Помнишь, ты писал, что я тебе нравлюсь, и ты бы всё отдал, чтобы быть со мной?

- Ну, я немного не в таком контексте, - смутился он. - А ты прям издалека приехала? Ладно, сейчас чайник схожу поставлю, посидим чаю попьём.

Он потянулся к выключателю, чтобы включить свет.

- Не надо! - вскрикнула она.

- Что не надо?

- Свет включать, иди сюда, - она встала и потянулась к нему.

Он шагнул ей навстречу и тут он моргнул и сквозь плёнку слезы увидел, что девушка Лена превратилась в какого-то монстра, с серой, сухой кожей, треснувшей на сгибах рук, с чёрными провалами вместо глаз, с серой, неопрятной паклей волос, как будто приклеенной на голове, с жёлтыми зубами, торчащими из провала рта, чёрным распухшим языком между зубами. Он попытался отпрянуть назад, но было поздно. Нечто схватило его и сильно прижало к себе, потом с нечеловеческой силой сдавило. Последнее, что он увидел, - это то, что экран почернел, и из него смотрели большие жёлтые немигающие глаза.

- Ура! - Серёга ещё раз обошёл своё новое жилище и плюхнулся на диван.

Жизнь налаживалась, уже месяц он айтишник в маленьком банке с зарплатой 35000 рублей. На последнем курсе института он устроился курьером в этот банк. График был свободный, что позволило защитить диплом на пятёрку, платили, правда, немного, но приварок к трёхтысячной стипендии был ощутимый, да и за жильё не надо было платить, общага. Но после защиты к нему пришла комендантша и попросила освободить комнату в течение месяца. Пошёл в деканат, взял обходной, побегал, подписал и получил диплом. Уже думал, к кому бы присоседиться, но тут у директора банка накрылся комп. Он был в офисе, попросил посмотреть, всего лишь слетела система, он переустановил, параллельно объяснил директору, как надо наладить работу офиса, и … на следующий день из курьера его перевели в IT-специалиста с окладом 35000 рублей, деньги для него сумасшедшие. Ему поставили стол, компьютер он сам себе подобрал и заказал, купил сервер, наладил сеть в офисе. Защита данных - это была его дипломная работа. Плюсом шли небольшие откаты от фирмочек, где он заказывал всякие расходники для офиса, уверяя босса, что это самые низкие цены в стране.

Квартирку нашёл на Преображенке, совсем маленькую, 18 метров. Небольшая комнатка с диваном и столом, мизерная кухонька с плитой и мойкой, совместный санузел с душевой кабинкой и унитазом. Зато всего 16 тысяч в месяц. Хозяйка ушла довольная, получив за 2 месяца, а он стал теперь полноправным хозяином.

- Эх, бабу бы, - стрельнуло в мозгу, - чтоб готовила, убирала. Хотя, что тут убирать? В общаге комната в полтора раза больше этой квартиры была, но одному много не надо.

Сходил в магазин, купил продуктов, забил холодильник, который стоял в комнате, на кухоньку он бы не влез. Да так и лучше, когда за компом сидишь, то надо, чтобы еда под рукой была. Подключил компьютер в сеть, проверил, скорость высокая, интернет работает хорошо, поставил на скачку пару новых фильмов из торрента.

- Так, что у нас в соцсетях? - проверил свои странички. - Ага, знакомства, ничего так фасадик.

На его страничку пришло приглашение от девушки с ником Светлячок с предложением стать её другом. Он проверил, фотки натуральные, вот она пьёт шампанское, вот кушает, вот с друзьями на природе, вроде реальная, принял её в друзья. А то бывает, что фотка одна на главной странице, а остальное всякие картинки - примешь такую, а она будет спам слать.

- Привет, Светлячок, что делаешь? - написал он.

- Привет, Сергей, сижу в сообществе, переписываюсь с друзьями.

- В каком сообществе?

- Закрытом, там много интересных людей, общаемся, делимся впечатлениями.

- Как называется?

- «Мёртвые души».

Он быстро набрал в поисковике - ничего, кроме Гоголя, не выскакивало.

- Не вижу такого сообщества.

- Сейчас пришлю ссылку.

Он прошёл по ссылке. Красиво оформленная главная страница, закладки. Есть знакомства с девушками и парнями, переписки по интересам, много подписчиков, пролистал фотографии девушек, много красивых. Нажал кнопку «вступить в сообщество», выпало соглашение, типа лицензионного, читать не стал, нажал «принимаю» и окунулся в мир общения.

Девушки на сайте рассказывали ему про самые сокровенные и интимные свои мечты, иногда они присылали ему откровенные видео. С ним охотно обсуждали прочитанные книги или просмотренные фильмы, к нему все относились хорошо,

как будто бы попал в семью, только одна мысль не покидала его после того, как он вступил в сообщество. Когда он включал компьютер, то чувствовал тяжёлый, неприятный взгляд откуда-то из глубины экрана. Он купил себе последний «айфон», поставил приложение и на работе, во время перекура, общался с новыми друзьями.

А однажды он смотрел список подписчиков и наткнулся на знакомую фамилию и имя: Евгений Смирнов. Это был Женька из их общаги, который умер неизвестно как в своей комнате. Сначала подумал, что ошибся, но фотка Женькина.

Он вспомнил то утро, когда проснулся и пошёл в коридор на кухню ставить чайник, увидел открытую дверь комнаты, где жили Женька с Лёхой. Он заглянул в открытую дверь. Лёха сидел пристёгнутый наручниками к стулу, а на полу лежал Женька, только седой, с выпученными глазами и высунутым чёрным языком. Страшно и комично. Следователи чуть не посадили Лёху, не верили, что тот спал и не видел, как умер Женька. Родители наняли самого дорогого адвоката, и тот на суде Лёху отстоял, но пока он сидел в СИЗО его из универа отчислили, пришлось ему ехать домой.

- Жень, привет, - написал Сергей в надежде, что тот зарегистрировался давно, и ответа не будет.

- Привет, Сергей, - неожиданно ответил Женька.

- Как у тебя дела?

- Нормально, отдыхаю.

Сергей залез на Женькину страницу, фотки из Турции, Бали, Таиланда. Откуда? Он же сам был на похоронах. Они общались неделю. Серёгу мучал вопрос: «Как? Как так получилось?»

Однажды вечером он пришёл с работы, зашёл в сообщество и написал Женьке:

- Ты же умер.

-……нет…….беги….., - получил ответ, и Женькин аккаунт пропал.

Он взял несколько имён из списка и городов подписчиков и забил в поисковик. Один за одним выдавало, что эти люди погибли, все почти одинаково, возле включённого компьютера, все молодые, до 25 лет. Он опешил. Стали исчезать аватарки из сообщества, странички подписчиков одна за одной, потом осыпалась картинка с главной страницы, и остался только текст соглашения, который он подтвердил при вступлении, и там красными большими буквами в пункте 18 было выделено: подписчик через 3 месяца пользования сообществом

должен ОТДАТЬ СВОЮ ДУШУ.

Он похолодел. Он сам подписал соглашение, согласился. Он схватился за голову и сел на диван:

- Блиииииин, что делать? - вопрос повис в воздухе.

Он выключил компьютер, полез в холодильник и достал початую бутылку водки, залпом выпил её из горла, сел на диван, голова закружилась, и он провалился в пьяное забытье.

Проснулся в темноте. Голова болела, попытался открыть глаза и со стоном принял сидячее положение. Вдруг на столе синим светом загорелся экран монитора:

- Что за чёрт? Я же выключил комп.

Кресло развернулось, в нём сидела красивая блондинка в строгом чёрном брючном костюме:

- Привееееет, - сказала она хриплым голосом. - Как головка, бо-бо?

- Ты кто? - слова еле вылезали из сухого рта.

- Я от НЕГО, пришла за твоей душонкой, ха-ха-ха, - она противно засмеялась.

- Зачем вам она?

- ОН собирает души, они ЕМУ служат.

- Кто он?

- Догадайся, дурачо-о-ок. ОН специально создал это сообщество, чтобы вы сами отдавали свои души. Всё просто, никто не читает соглашение до конца, и только у четверых возникли сомнения и они не подписались, ха-ха-ха, - она опять противно засмеялась, как будто сухие хлебные корки перетирали в пакете. - Давай уже не будем тянуть.

Она встала и как-будто пошла рябью, сквозь внешность красивой девушки проступил голый труп с лопнувшей сухой, как серая обёрточная бумага, кожей, из трещин сочилась чёрная жидкость, с провалами глаз на лице, с как-будто приклееной грязной паклей на голове, протянула руки:

- Ну же, - прошипела она, чёрный язык противно ворочался за гнилыми зубами.

- Не-е-е-ет, - закричал он.

И тут всё выключилось. Просто вырубили свет во всём доме. Он вскочил, на столе загорелся экран «айфона», который стоял на зарядке, оттуда раздался противный шипящий голос:

- Мы всё равно тебя достанем.

Он схватил телефон и выбросил его в окно, потом в темноте схватил куртку, сунул ноги в кроссовки и бросился на выход. Он выскочил в коридор, где соседи щёлкали рубильником, вихрем пролетел мимо них, выскочил на пожарную лестницу и бросился к метро. В метро пока он ехал, ему казалось, что за ним кто-то наблюдает из гаджетов, которые держали в руках люди. Выскочил на «Комсомольской», побежал на Ярославский вокзал, сунул деньги в автомат, автомат деньги принял, но билет не выдал, второй, тоже самое. Когда подошёл к кассе, кассир стала выбивать билет, и аппарат сломался. Он бросился в обход, нашёл дыру в заборе, пробрался на перрон, сел в электричку. В пустом вагоне никого не было, он свернулся калачиком и попытался заснуть, но сон не шёл. Приехал в Сергиев Посад, пошёл в Лавру, по ночному времени никого не пускали, вернулся на станцию, утром с первыми людьми вошёл на территорию через Святые Ворота в Красной башне. Прошёл в Успенский Собор, сел на лавочку возле стены. Долго сидел, опустив глаза. К нему подошёл пожилой монах:

- О чём печалишься? - спросил он тихо. - Что привело тебя в Храм Божий?

Он заплакал и начал сбивчиво рассказывать, что с ним произошло. Монах слушал, потом ударил его согнутым пальцем по лбу и сказал:

- Вот же вы неразумные. Диавол ходит и собирает людские души, а вы даже молитв не знаете. Иди, далеко иди, куда глаза глядят, где примут тебя, там и дом твой будет, - повернулся и ушёл.

Вышел он из Лавры и побрёл по дороге, долго шёл, проходил деревни и посёлки. Деньги, которые были с ним, когда убегал, давно закончились, милостыню просить он не умел, полиция проверяла паспорт и отпускала. Скоро асфальтовая дорога кончилась, и побрёл он по просёлку через лес, долго шёл, кончился лес, началось поле, а вдалеке дома стоят деревенские, подошёл поближе, а дома уже старые, поразвалились, только в одном доме свет горит, в сарае куры кудахчут, постучал в ворота:

- Есть кто живой?

- А ты кто будешь? - из ворот высунулась двустволка, потом выглянул дед.

- Раб Божий, обшит кожей, - пошутил он.

- Ну, дык, заходи, раб Божий, - хехекнул дед. - Кушать, поди, хочешь?

- Хочу, только заплатить нечем, могу отработать.

- Дык, я платы не возьму, калику перехожего грех не накормить, заходи сынок.

На старом струганном столе стояла картошка в чугунке, на тряпице лежали варёные яйца, в глиняном кувшине молоко и краюха деревенского хлеба. Сели, старик почитал молитву вполголоса, потом поели. Свет давала керосинка, ни проводов, ни лампочки в хате не было.

- Благодарствую, - сказал Сергей. - А ты, батя, один живёшь?

- Так один, хозяйство небольшое - корова, лошадь, куры, гуси, телёнок да поросёнок.

- А что ж у тебя и электричества нет?

- А зачем оно, елестричество твоё, баловство одно, за скотинкой пригляд нужен, темнеет - спать ложусь, светает - просыпаюсь.

- А можно, батя, я у тебя останусь, буду помогать.

- Дык оставайся, старый я уже, жену и деток Бог прибрал, а хозяйство жалко, оставайся.

Утром началась совсем другая жизнь…

Новогодняя история - Бляяяяя, твою ж мать…, где я? Холодноооооооо, бляяяяяя…. Стоя по колено в снегу посередине поля, ору матом, кругом никого… Вот это встретил Новый год. Обернулся назад, только мои следы, которые заметает позёмка, минус тридцать, не меньше, какой-то мелкий колючий снег ветром бросает в лицо, морщюсь, дышать трудно, а ещё ноги и руки немеют… Говорила мне мама, чтобы одевался теплее, мысленно даю себе клятву, что так и буду поступать. Ботинки на «рыбьем меху», да ещё тонкий носок, ноги уже почти ничего не чувствуют. Начинаю шевелить пальцами ног, хоть что-то. Руки в тонких кожаных перчатках стараюсь засунуть в карманы куцего пальтишка, хорошо хоть оно до колен, а то бы жопа замёрзла, ведь кальсоны пододевать западло, не по-молодёжному, в кармане начинаю шевелить пальцами рук, помогает мало. А вот шарф в тему, мохеровый, аляповатой раскраски, индийский, колючий, но это как раз хорошо, развязываю завязки на ушанке, опускаю «уши» и заматываюсь шарфом до глаз: - А-а-а-а-а-а, где я? В чистом поле, вокруг лесопосадки, сзади, если смотреть по следам, тоже лесопосадка,

только следы начинаются в десяти шагах и заканчиваются под моими ногами: - Прилетел я сюда что ли, или снег всё замёл, ничего не помню, - мысли как-то очень вяло ворочаются в голове, и тут я начинаю блевать. Блин, рвёт меня минут пять, какая-то бурая слизь, потом жёлтая, хватаю комок снега и засовываю в рот, во рту всё немеет, ломит зубы, но в глазах проясняется. Вокруг как-то серо, наверно рассвет, самое начало, когда солнце ещё не вышло из-за горизонта, но уже не так темно, звёзд нет, а вот видимость уже хорошая. По логике где-то за лесопосадкой должна быть дорога, надо туда продвигаться, решил идти прямо, снег сверху схватился корочкой, ноги проваливаются, снег забивается под джинсы: - Бляяяя, как же я сюда попал? За две недели до нового, 1992 года нас с Жекой отловил в институте Лёха Крючков. Правда, институт переименовали в университет, но мы по привычке называли институт. Жили мы с Жекой в общаге, а вот Крючок был «масквич», вечно кручёный, деловой, владелец старой «шестёрки», которую он за баснословные деньги предлагал каждому встречному. Крючков был на год старше и, в отличие от нас свежепоступивших, уже успел отучиться один семестр в прошлом году, но ушёл в «академ» и восстановился на первом курсе с нами. Опять же в отличие от нас он отслужил в армии, поэтому считал нас за салаг, постоянно занимал деньги, но отдавать не спешил. Он всегда фонтанировал идеями, знал почти всех «преподов» в институте и, по его словам, у него были какие-то дела с «бандитами», которые «если что» за него «впрягутся». - Чуваки, есть тема, - Крючок аж светился весь, - есть «маза» отметить Новый год на даче у друга, у него предки остаются в столице, а там классная хата, тёлок пригласим, Иринка подруг своих привезёт, фотомондели, бля… Возьмём водочки, бабам шампанского, групповушку устроим, вы как? - Почём скидываемся? - Жеку понесло. Надо сказать, что тема баб была очень острой у первокурсников нашего института, вуз был техническим, и девчонок было по 1-2 в группе, причём разлетелись они по рукам очень быстро, даже страшненькие, в общаге все были уже замужем, там это вообще происходило моментально. Поэтому многие друзья сразу же пытались нащупать контакты с одноклассницами из «женских» вузов и напроситься в гости к ним в общаги. Ирку Крючка мы хорошо знали, она с нами бухала пару раз возле института после занятий, разбитная девка, не сказать, что красавица, но как выразился Жила, Серёга Жилин, другой наш товарищ – «третий сорт не брак». Подруг мы её не видели, но Лёха рассказывал, что подцепил её возле какого-то модельного агентства, и что она порноактриса и подруги у неё тоже. Жила как-то предложил заняться с ней групповухой, мол, все порноактрисы могут заниматься сексом с тремя мужиками сразу, но Крючок с темы соскочил, сказал, что собирается на Ирке жениться и делить её ни с кем не будет. Хотя Ирка к тому моменту была настолько пьяна, что трахни её и пять мужиков – не заметила бы. У меня в этом плане было всё хорошо, сексом я один раз занимался в школе. Я был школьным диджеем, вёл дискотеки, очень крут по местным

меркам. У меня, как в песне, была каморка за актовым залом, где хранилось дискотечное оборудование, ключи от этого помещения были только у меня, туда же я однажды на дискотеке и затащил одну девчонку, которая по слухам переспала со всем микрорайоном. Мы целовались минут пятнадцать, потом, перевозбудившись, достал презерватив, который выпросил у друга, и тут бы остановиться, увидев удивление в глазах девчонки. Она, оказывается, впервые увидела резиновое изделие, да узнать про её опыт, но я не остановился, и в итоге оказалось, что она девочка. Хорошо, что у меня был большой комок ваты, чтобы головки у магнитофонов протирать, и кровь мы остановили. Блин, я на «измене» сидел две недели, ждал, когда за мной из милиции придут и посадят за изнасилование, но девчонка всё скрыла, и мы с ней несколько раз после этого встречались, но сексом не занимались, просто остались друзьями. Это не мешало мне гордо рассказывать всем, что я уже не мальчик, а мужчина, а вот Жека был девственником. Жека был ботаном, у Жеки была интеллигентная семья, и Жека всегда краснел, когда в компании пацанов обсуждали девчонок. Мы с Жилой водили его в соседнюю общагу, но попадая в компанию, где есть девчонки, Жека замыкался, начинал говорить односложно и на все подколки Жилы только краснел. Поэтому Жека сразу повёлся на предложение Крючка. - Ребзя, скидываемся по тридцатке, а лучше по полтиннику на стол, а вот водку возьмите вы ещё, а то я свои талоны на курево и бухло отдал преподу за зачёт по физике, лады? - Мы омаров жрать будем? - возмутился я. - А девчонки, с них тоже деньги брать прикажешь? – Крючок аж подпрыгнул. - Ладно, пацаны, если за девок, то я сороковку дам и водки куплю, - Жека решил не мелочиться. - Да, я там у него летом отдыхал, рядом в деревне бабка самогон классный гонит, слеза, и стоит «двадцатка» литр, месяц бухали, и голова с утра не болит. Жилу тоже берите. - Лёха ушёл, а судя по задумчивым глазам Жеки, он уже мысленно трахал порноактрису. За неделю до Нового года нам с пацанами «подфартило» заработать. Один наш друг из общаги договорился со своим знакомым владельцем мясного цеха на разгрузку двух фур блочного итальянского мяса и фуры свинных полутуш, так что денег мы подзаработали. Жека тут же хотел пойти и всё потратить на деликатесы, но хозяйственный Жила сказал, что надо оставить на посленовогодние праздники, «степуха» непонятно когда будет, а жить на что-то надо. Но стипендию дали вовремя, мы скинулись по «сороковнику», отоварили талоны на водку и сигареты. По талонам давали тогда в месяц две бутылки спиртного на руки и блок сигарет. Мы с Жилой взяли по бутылке водки, по талонам в магазине водка стоила 10 рублей, в коммерческой палатке - 30, и по бутылке шампанского, а Жека только шампанское, рассказывая какие мы «дятлы», и что девчонки пьют только шампанское, а самогон в деревне купим. Купили на всякий случай сосисок и ящик пива на дорожку, чтобы в электричке ехать было веселее. Сосиски и пиво, к счастью, тогда продавались редко, но без талонов, в соседний магазин раз в неделю

завозили. И вот настал день «Ч». Трезво рассудив, что в рюкзаке нести спиртное удобнее, мол, будем по очереди нести, а до места вообще доедет только водка и шампанское, мы двинули в сторону Курского вокзала. Ехать предстояло 2,5 часа. С трудом нашли электричку, оказалось, что пригородное сообщение оттуда в двух направлениях, мы наконец-то расположились в вагоне на деревянных лавках. Народу ехало немного, поэтому расположились широко. - Эх, хорошо, вырвались, а то дома с родителями не побухаешь, мама из рук вырывает бухло, я поэтому и не поехал к своим на Новый год, - сказал, Женька. Он приехал из Арзамаса 16, он же Саров, и родители его были там какими-то «шишками». - А у меня наоборот, батя «нажрётся», буянить начнёт, к соседям пойдёт отношения выяснять, не, лучше здесь, с друзьями... А вдруг ещё и «пиздятинки» обломится, будет, что вспомнить, - сказал Жила. Батя его был простым слесарем на заводе, мама там же сидела в бухгалтерии, а приехал он из Красноярского края. - А мне просто надоело. Каждый год одно и то же, посидим, поедим, потом телевизор, друзьям кому не позвонишь, все заняты, тоска, - я посмотрел в окно, - Трогаемся, доставай пиво, начнём, пожалуй. Так и ехали два с половиной часа, пили пиво, ходили в тамбур курить, да пивные излишки сливать между вагонами. Приехали на станцию Залызино к четырём вечера. Большими хлопьями валил снег, было не холодно, минус пять где-то. Сотовых не было тогда, и договорились с Крючком, что он нас будет ждать на машине до полпятого. Он нас встретил, сели в машину. - Ну что, всё тип-топ, - Жила после пивного возлияния слегка заикался. - Да всё пучком, поехали, ребята ждут, - Крючок был само обояние, - А девчата? – Жека не мог усидеть на месте. - Ну, девчат там не особо, одну мама не отпустила, вторая заболела, короче одну только привёз. - Только не говори, что эта одна - твоя Ирка, - зашипел Женька. - Не, там Ленка ещё, она на повара учится, сейчас готовят они. - Бля, я так и знал, - я уже понял, что Новый год не оправдает ни вложенных денег, ни обещаний, - значит, будем бухать. - Поддерживаю, - Жила подмигнул мне и посмотрел на Жеку. - Чуваки, тогда, чур, Ленка моя, - Женька покраснел. - Да, без базара, бери, - Жила улыбнулся, а Крючок как-то нехорошо хмыкнул. Всё оказалось намного хуже. Помимо хозяина дома Игоря, нас встретили Ирка, её подруга Ленка и какой-то парень с бегающими глазами, по крайней мере когда он говорил, то смотрел на всё что угодно, только не на тебя. Его представили как Артёмчика. Жила, пока все проходили в дом и знакомились с обстановкой, прижал в сенях Крючка: - Это что за чёрт? Он в доле? - Конечно, это мой друг, выросли вместе, он водки привёз, - Лёха, как-то очень суетливо попытался вырваться и скрыться в доме, потом выскочил. - Давай, собери с пацанов по «двадцатке», в деревню за самогоном съезжу, а вы пока знакомьтесь. Мы скинулись ещё по «двадцатке», решили - бухать, так бухать. Женька сник, он уже «потёрся» возле Ирки и узнал, что Артёмчик – это Ленкин парень, и без него она бы не поехала. А остальные подруги, какие остальные подруги? Короче, Крючок кинул опять всех, Игорю он

пообещал, что приедут ребята, с «бабками», привезут жратвы и бухла, девочек. Решили, пока праздник себе портить не будем, а потом в общаге Крючку «наваляем», если он после сегодняшнего в общаге появится. Мы всего лишь две бутылки водки привезли и четыре шампанского, которые гордо выставили на стол. Бутылки постояли на столе, а потом исчезли, хозяин сказал ёмко - на утро, оставив на застолье две бутылки шампанского и одну водки. Игорь показал нам дом. Обычный деревенский дом, с русской печкой, двумя комнатами и небольшой кухонькой, удобства на улице. Игорь сказал, что «предки» планируют летом всё перестроить, сделать в доме туалет и ванную. А пока так: в маленькой комнате спит он, там большая двуспальная кровать, а в большой - все остальные, там диван и кресло-кровать. Я уж понял, что диван займут Ирка с Крючком, а Артёмчик с Ленкой на кресле-кровати, если поместятся, хотя по глазам Игоря я понял, что тот будет не прочь, если Ленка с ним завалится, поэтому Артёмчика будут активно спаивать. Глядя на Лену, я понимал, что столько не выпью, она была толстой и очень несимпатичной, просто не в моём вкусе, мне нравятся стройные и невысокие, а тут полная противоположность. Есть ещё лестница на чердак, там две кровати, возле трубы, если что, тепло. Мы с Жилой слазили на чердак, посмотрели кровати, холодно, конечно, но если пьяные сумеем забраться по лестнице, то ночуем там. Ленка с Иркой что-то готовили на кухоньке, вроде будет салат «оливье», варёная картошка, сосиски наши сварят - вот и всё изобилие. Игорь нашёл в закромах банку тушёнки, добавят в картошку. Я вспомнил мамины кулинарные изыски - четыре салата на столе, мясо, курица - и впервые пожалел, что не поехал домой, по глазам Жеки понял, что он тоже жалеет, что здесь оказался. Самое главное, здесь был телевизор, цветной «Горизонт», который ловил два канала с помехами, но он был. В общаге у нас телека не было, и, может, это и была одна из причин, по которой я согласился ехать. В девять приехал Крючок, привёз две трёхлитровые банки, в одной была мутная жидкость с красным отливом, во второй такая же мутная жидкость, но в ней плавали огурцы: - Прикиньте, бабка, у которой летом самогон брали, самогон не продала, сказала, что местные раскупили, а свежачка нет, пришлось ехать к цыганам, почти в другую деревню, они мне самогон «надыбали» и ещё банку огурцов на сдачу дали, гы-ы-ы. - Не, я цыганский самогон пить не буду, они его из карбида гонят, на хер, - сказал Игорь. - Да-а, хренотень какая-то, - внимательно изучив банку, сказал Жила, - на хер такое счастье. - Как хотите, они всё равно денег не вернут, - казалось, Крючок обиделся, - тогда пойду, вылью. Но выливать ничего не стал, а поставил банку на подоконник. Потом накрыли стол, нашлись и хрустальные фужеры под шампанское и хрустальные же рюмки. Всех удивил Артёмчик. Подмигнув Ленке, он вышел в сени и вернулся с бутылкой с иностранной этикеткой: - Вот, бурбон «Четыре розы», мне друг из-за бугра подогнал, берёг на Новый год. Все даже зааплодировали, ещё он привёз сыр и шпроты, которые тут же пошли на закусь.

Вообще парнем он оказался компанейским, знал много анекдотов и прикольных случаев из жизни. Учился в пищевом институте, а на практике познакомился с Ленкой, которая училась в кулинарном техникуме. Он ей даже предложение сделал, но она обещала подумать. Дальше началась обыкновенная пьянка, под куранты распили шампанское, запили бурбоном, потом водкой. Пели «Чайфов», «Алису», «ДДТ», орали, пока не сорвали глотки. Ирка с Крючком постоянно уходили в маленькую комнату, пососаться, как нам подмигивал Крючок. Игорь пытался склеить Ленку, и всё время подливал Артёмчику, Жека доказывал что-то Жилину. В голове мутилось, вышел на двор покурить, заодно обследовать отхожее место. Больше всего поразило, что в туалет был проведён свет - читают они там что ли? На улице заметно похолодало, снег перестал идти. Вернулся к началу разборки. Жека сцепился с Артёмом: - Ты не пнял, она м’я невста, - заплетающимся языком говорил Артёмчик. - Я всё равно её выебу, а потом она будет твоя невеста, - Жека, похоже, перебрал, язык у него тоже заплетался. За всем этим спокойно наблюдал Игорь. Мне стало неприятно и обидно не только за Женьку, но и за Артёмчика - понятие невеста для меня было свято, что ли. - Давайте выпьем, чуваки, за Новый год! Ура! Игорь давай, пьём все!

Не знаю, кто мне вложил в руки стакан, выпил, и последнее, что я помню, - это стекленеющие глаза Жеки. И вот теперь пробираюсь по колено в снегу, на ходу проламываю руками наст, чтобы набрать мягкого снега и засунуть в рот, «сушняк» страшный. В голове вертится «Привет с большого бодуна», песня в тему. Сквозь голые ветки лесопосадки не видно, есть там дорога или нет, иду по наитию. Так как же я здесь оказался? Неужели встал и ушёл на станцию? Не сказать, что у меня большой опыт по части «побухать», но память я теряю впервые. Так, что там впереди? Как будто колокольчик звенит, дед Мороз, что ли едет? А я, блин, как падчерица из сказки, замерзаю. Сейчас спросит: - Тепло ли тебе, юноша? Аж смеяться захотелось, а ведь звук колокольчика уже близко, проламываюсь сквозь кусты и выскакиваю на дорогу. Точно, накатанная, зимник, но не тракторами, а как будто бы санями. Чудеса, по дороге действительно едут сани, впереди гнедой коняшка резво скачет, на дуге действительно бубенчик в такт звенит. На санях мужик сидит в тулупе, в треухе. Поднимаю руку, сани останавливаются: - Здравствуйте. - И вам не хворать, - на меня смотрят карие глаза, такие с хитрым прищуром. По виду мужику лет 50, крепкий, густая борода с проседью, спокойно улыбается: - Ты откуда будешь такой, в поле на праздник? Или решил урожай собрать, картоха в этом году уродилась дюже? - Дык, смотрю, до меня уже собрали, - шучу в ответ, - а как здесь оказался и сам не знаю, помню, отмечали, а дальше как отрезало. - Бывает и не такое, всё водка виновата, от неё и беды все людские, кто это зло попробовал, тому уже спокойно не живётся. - До станции далеко, электрички ходят до Москвы? - Елетрички ходють, а вот до Москвы или нет, не знаю. - Не подбросите до

станции, там уж доберусь как-нибудь? - Сидай, до Пустыни доброшу, а там уж сам, там, в санях, попоной накройся, да глянь там варежки меховые, а то в своих городских перчаточках без пальцев останешься. Странное он слово сказал «пустынь», с ударением на первом слоге. Что за слово такое, не пустыня же? - Но, Априк, пошёл! - А почему Априк? - Потому что в апреле родился, лошадей, как и собак называют, чтобы первая буква была по месяцу рождения, мать у него Марка была, потому что в марте родилась. - А если бы он в январе родился, как бы вы его назвали? - Ярик бы, наверное, или Ярчик. - А если бы в июне или в июле? - Вот если бы родился, тогда бы и гадал, как назвать, а сейчас зачем мне этим голову забивать? Я понял, что мужик обиделся: - Меня Дима зовут. - Меня Иваном. - А по батюшке как, а то неудобно, вы меня намного старше? - Силантичем, Стужины мы. - А откуда, если не секрет? - Да тут есть недалеко деревушка, Затулья называется, рядом речка Тулка, вот, стало быть, мы и за ней, - засмеялся мужик, для деда он казался очень молодым. - Всю жизнь здесь живёте? - Да почитай с рождения, нас у Силантия Захаровича трое было. Петька, Валька да Иван, я младший, стало быть… Мне аккурат в 44-м восемнадцать стукнуло, и призвали меня в действующую армию. Петька-то старший с батей в первые дни мобилизовались, вдвоём ушли со двора, так вдвоём и сгинули где-то в окружении. Похоронку мамка получила на обоих сразу, поплакала, а тут уже и немец к нам подкатывает, нас с Валькой в Москву забрали, рвы противотанковые рыть, а мамка, получается, 5 дней в оккупации пробыла. И смех, и грех, 5 дней фрицы рядом с деревней постояли. Деревенские всё добро в лес вывезли и попрятали, да и сами сховались, никто почитай этих фрицев и не видел. А мне в личное дело прописали, что мать жила на оккупированной территории, на всю жизнь потом клеймо, не сотрёшь. Хорошо похоронки на отца с братом были, а то б ещё и родственники в плену. - Да, тогда с этим строго было, мой дед всю войну прошёл, мало что рассказывал, но их эшелон разбомбило. Попали они в окружение в первые дни войны, с боями прорвались к своим, а там их разоружили и почти месяц каждого проверяли, - я уже согрелся, ступни и кисти руки кололо нещадно, я снял рукавицы, потом перчатки и стал растирать ладони, разуваться не решился, просто тёр ногу об ногу. Хотелось спать, но рассказ был очень интересный, дед наш действительно про войну рассказывал мало, бабушка говорит, что они с другом даже полгода в штрафбате служили. Что такое штрафбат, мы узнали, уже когда выросли. Силантич увидел мои телодвижения: - Три, три лучше, кровь возвращается, потом жарко будет, но дай Бог, чтоб ничего не отморозил, ты ж почитай два часа в поле простоял. Откуда он знал, сколько я времени простоял в поле, мне было не понятно. Я помнил только минут десять после того, как пришёл в себя. - А что дальше было? - Дальше, стало быть, призвали меня на 1-й Украинский фронт. Пока пообтёрся, пообвыкся, научился пуле не кланяться, а через полгода перешли мы старую границу и рванули по Польше. По 40-60 километров, бывалоче, в день

отмахивали, там меня первый раз и ранило. В руку навылет, я перевязался и дальше воевать, а через 3 дня руку дёргать начало, температура, меня в госпиталь и забрали. Там главврач женщина была, Сара Иосифовна, еврейка, она мне руку почистила и две недели лежать заставила. Ругалась, что сразу санитарам не отдался, а я говорю, что стыдно из-за какой-то пустяшной раны в тылу отсиживаться, но она по званию майор, против звания не попрёшь, остался. Вот тут я свою будущую жену и повстречал… - Санитаркой работала в госпитале? – я уже, честно говоря, собирался покемарить, таких историй было описано масса, как бравый офицер или солдат в госпитале знакомится с санитаркой, потом они влюбляются, потом он после войны приезжает и женится на ней. - Да нет, наши как раз освободили концлагерь, там все смертники были по немецким спискам, их уже месяц, почитай, не кормили, ждали они очереди в газовую камеру и на переработку. Ну, там волосы, зубы, кожу, даже мыло из них варили. И стали этих скелетов по госпиталям распределять. Я на поправку шёл, помогал по хозяйству, вот мы с такими же солдатиками и помогали машину разгружать, санитары не справлялись. Первая же, которую из машины вытащил, и была моя Галюня. Она как на руках оказалась, обняла меня за шею, ручонки тоненькие, просвечиваются, весу в ней килограмм тридцать, трясётся вся, как плачет, только слёз нет, настолько сухая была, а я в глазища её синие взглянул и понял, что всё…, пропал… Я потом оставшуюся неделю рядом с ней и просидел, ходил на перевязки, из столовой старался ей что-нибудь вкусное принести, а Сара Иосифовна не разрешала, говорила, что твёрдая пища убьёт её. За неделю она хоть в себя пришла, шкелетик-шкелетиком, а ходить начала, а поначалу я её на улицу на руках носил. Рассказала она мне, что родилась и жила в Белоруссии, в деревеньке Жвачи. Галя была старшей, ещё у неё было 2 братика младших, батька на фронт впервые дни ушёл, больше о нём не слышали, а они скоро уже были в тылу у немцев. Немцы приехали как-то утром, назначили старостой деда Миколу, которого раскулачили при Советах, полицаем назначили Кузьму, который сидел за воровство при Советской власти и уехали. Потом раз в неделю приезжали какие-то немцы, резали свиней и бычков, гонялись за курами, ходили по хатам забирали яйца и молоко, картошку. В первый же месяц реквизировали всех лошадей и сено. По вечерам фуражиры «гужбанили» у старосты, а напившись самогона, ходили по домам в поисках молоденьких девчонок. Матери старались к их приезду дочерей попрятать, Галке хоть и было 12 лет, но мать прятала её в сарае, в специально выкопанной яме, под сеном. Однажды поймали Василиску, насиловали её пять человек, Галя слышала, как она кричит, кусала руку, но выйти не могла, боялась. Через девять месяцев Василиска родила мальчика, а ночью задушила его. Староста Микола сказал, что она убила немецкого подданного, отправил её в город в комендатуру, где через неделю её повесили. В деревне уже не оставалось еды, фуражиры не приезжали, люди голодали, а в марте 44-го стали забирать

молодёжь в Германию, на работы, пришли и в Жвачи. Староста предоставил списки мальчиков и девочек 14-16 лет, пришли и к ним, мамка спрятала Галю, но полицай Кузьма сказал, что она саботирует набор, вывел во двор маму и братишек и сказал, что если Галя не появится, то он её родных расстреляет. На соседнем дворе расстреляли деда Игната, пятнадцатилетний сосед Сашко тоже вылез из подпола и сдался. Так и не успел он уйти к партизанам. По дороге Сашко рванул в лес, но Кузьма застрелил его из винтовки. В Шкрябичах, где была железнодорожная ветка, их загнали в вагоны, битком, так, что они могли только стоять. В этих вагонах до войны возили скот, на полу было немного соломы, окна под потолком были затянуты колючей проволокой. В марте ещё было холодно. Три дня куда-то везли, есть и пить не давали, на какой-то крупной, судя по звукам, станции прямо через окно немцы их полили из брандспойта. Люди визжали от холода, немцы смеялись, а потом их выгнали из вагонов на станции, где было много немцев с автоматами и в военной форме. Загнали в длинный сарай, где до этого тоже держали скотину, и разделили. Мальчиков погрузили в машины и увезли, а девочек заставили раздеться, забрали все вещи, взяли кровь на анализ, обрили наголо, подвергли унизительному осмотру, обсыпали каким-то дурно пахнущим порошком. Руководила всем женщина в чёрной военной форме, она хорошо говорила по-русски и просила называть её фрау Марта. Потом всем раздали одинаковые полосатые платья, бывшие в употреблении, судя по запаху и внешнему виду, и такие же полосатые шапочки. Потом раздали открытки и под диктовку заставили написать, как им хорошо живётся в Германии, сказали, что отправят родственникам домой. Одна девочка расплакалась, сказала, что ничего не будет писать. Фрау Марта повалила её на пол и стала избивать хлыстом, когда девочка потеряла сознание, её выбросили на улицу, было холодно, и утром она умерла. Вечером провели перекличку и каждой дали по белому кусочку материи с номером и моток ниток с одной иголкой, сказали, чтобы номер был нашит на платье к утру. Наутро опять провели перекличку, уже по номерам. Совсем маленьких куда-то увезли, оказывается, что если не могли набрать 14-16-летних, то забирали и 10-12-летних, у них брали кровь для раненых солдат и ставили опыты в концлагерях. Галю и ещё 15 девушек утром погрузили в машину и под охраной одного солдата отвезли в город, там построили на площади, куда стали приходить люди. Немцы подходили, щупали руки и ноги, заставляли открывать рот, смотрели зубы, потом заходили в дом, выходили с бумажкой и забирали девчонок по одной-две. Её и ещё одну девочку, Машу, взяла фрау Эрма, так она оказалась в Германии. Полгода она работала на фрау Эрму. Их заставляли ухаживать за скотиной, работать в поле, кормили хоть и впроголодь, но кормили объедками со стола, тем же, чем кормили поросят, и били, каждый день били. Фрау не забывала каждый день напомнить этим «русским», что они свиньи. Когда отросли волосы, то хватала за них и начинала рвать, а они должны были

молчать и даже не плакать, ведь их «поганые» отцы убили единственного сына фрау Эрмы и сейчас, наверное, убивают её мужа. А потом приехал её муж, гауптман. Он приехал в отпуск. Узнав про русских девчонок, вечером, хорошо приняв на грудь, решил развлечься, истосковавшись по женскому телу, но пошёл он не к своей супруге, надо сказать, к довольно толстой и некрасивой, а в сарай, где жили девчата. А когда он навалился на Машу и стал срывать с неё одежду, Галя ударила его по спине граблями. На шум прибежала фрау, вдвоём с мужем они били девочек, а утром вызвали жандармов. В жандармерии, разобравшись, что к чему, девушек приговорили к повешению за нападение на немецкого офицера, но смертную казнь заменили на концлагерь, сказали, что так они принесут больше пользы Рейху. В лагере умерла Маша, у неё каждый день брали кровь, а кормили плохо. Она приглянулась русскому капо, смотрящему по их бараку, который сам сдался в плен в начале войны и добровольно пошёл работать в лагерь, чтобы уничтожать жидов и комиссаров. На счету этой мрази были сотни жизней, он лично расстреливал провинившихся или обессиленных узников. Этот урод пришёл в барак пьяный с друзьями, они подняли Машу и стали снимать с неё платье, сил у неё сопротивляться не было, она еле стояла на ногах. Он попытался её поцеловать, она укусила его за губу, тогда, разозлившись, капо ударил её в живот, что-то хрустнуло, и Маша сломанной куклой упала на пол, изо рта пошла кровь. Галя бросилась её поднимать, но было поздно, так она и просидела на полу рядом с подругой. Потом её перевели в барак для смертников. Там уже не кормили, кто мог ходить, тем дорога была в газовую камеру, кто ходить уже не мог, тех могли сжечь и ещё живыми. А потом пришли наши. - Это вам Галя всё рассказала? - Да, мы много болтали, она хотела рассказать всё, плакала, а я её успокаивал. Я ещё больше её полюбил. Потом меня выписали, я написал письмо маме, дал Гале адрес, чтобы, когда её выпишут, сразу ехала ко мне. Тем более что пришёл запрос на её родных, так вот, отец её погиб в 43-м, а маму и братишек сожгли каратели вместе со всей деревней во время отступления. Мы хотели сразу пожениться, но нас не кому было расписать. Когда вернулся в часть, рассказал ребятам про лагерь, а потом нас отправили сопроводить важные документы, которые СМЕРШевцы в лагере нашли, вот там мы всё своим глазами и увидели - и печи, где людей сжигали, и газовые камеры, и бараки, и, понимаешь, злее как-то стали, ещё больше возненавидели фашистов, наши ребята потом эсэсовцев в плен не брали. Потом приказ был «кровь за кровь». В Польше наши взяли город и решили пройти колонной по главной улице, сначала шли танки. Помню, командир у них был, молодой такой парнишка, вечно улыбался, в первом танке был. Народу много собралось, с цветами, кричали что-то по-польски и кто-то вместе с букетом кинул в первый танк бутылку с зажигательной смесью, танк вспыхнул, командир загорелся, а остальные танки развернулись и прямой наводкой в народ. Озверели ребята за войну, тем более не ожидали от

освобождённых такое получить, верили, что несём «свободуравенствобратство», освободители. А потом новый приказ, за мародёрство и насилие - расстрел. Я до Берлина дошёл, потом до 46-го чистили Польшу и Украину от фашистских недобитков, да местных уродов: бендеровцев да АКашников, была такая Армия Крайовы в Польше. Ранили меня на Украине, комиссовали подчистую, с контузией, да ногу ели собрали, хромать стал после ранения. Приехал домой, хромаю по деревне, с палочкой, медали гремят, орден Славы 3 степени, чинно так, здороваюсь со всеми, а самому бежать хочется домой, где меня Галя ждёт, мамка письмо прислала, что приехала она, «…худюшшая, но ничё, откормим». Вижу, а она навстречу идёт от колодца, вёдра полные на коромысле несёт. Увидела, бросила вёдра и ко мне, обнял я её и понял, что только ради этого жив и остался, нельзя умереть, когда тебя такая девушка дома ждёт. На следующий день расписались в сельсовете, свадьбу сыграли. Мама на невестку не нарадуется, «и добрая, и работящая, деток бы только вам побольше». Валька-то, сеструха, комсомолка «с моторчиком в заднице», на фронт медсестрой ушла, да вышла замуж за командира-сибиряка, приезжали с мужем, оставили фотографию, где она в военной форме и фате, а рядом здоровенный, похожий на медведя майор с густыми усами. Его после войны отправили во Владивосток, он какой-то инженер, вот она с ним и уехала, а мы с мамой стали жить. Всё бы хорошо, да с детьми у нас как-то не заладилось, то ли я не мог после контузии и ранения, то ли у Гали организм после лагеря слабый был. А в деревне «бабий бум» был. Почитай семьдесят дворов до войны было, мужиков почитай двести человек на фронт ушло, а вернулось всего двадцать восемь, и то трое безногих, один без обеих рук, да двое, 2 руки на двоих, остальные более или менее целые, но в госпиталях повалялись тоже. А бабы почитай всю войну без мужиков, четыре деда старых, да мальчишки от семи до девяти, парней неженатых вернулось семеро, я один из них, а девок, на выданье аж девятнадцать, представь какой коленкор, - Силантич улыбнулся и достал из рукавицы папиросу. - Огонёк есть? - Есть, - я пошарил в кармане и протянул свою бензиновую подделку под Zippo. - Мериканская, - крутанул колёсико, огонёк вспыхнул ровно, несмотря на ветер, сразу запахло вонючим папиросным дымом и бензином, я достал свои сигареты, но курить поостерёгся, ведь лежал на сухой соломе. Оглянулся. Странно, вокруг ветер, даже метель, а мы вроде как в каком-то коконе, слова чётко слышны, хотя говорит Силантич негромко, ветра не чувствуется, первые запахи – это папиросный дым и бензин зажигалки. - Ну, так вот, бабы договорились между собой и мужики, которые могли, устроили набег на вдов и молодух. Жёнам-то куда деваться, так, глядишь, и увести могут, а так разрешила и вроде бы под присмотром, главное, чтобы и про них не забывали и хозяйство не бросали. А я Галю очень любил и с другими не мог, не мог ей изменить. А к осени оказалось, что почитай все бабы беременные и урожай некому собирать. Пшеницу и рожь кое-как собрали комбайном, он у нас один был

и постоянно ломался, а вот свёклу, капусту и картошку собирали всем «небеременным» населением, даже дети шестилетние. Председатель колхоза, Митрич, собрал всех мужиков в клубе и бил кнутом, кричал про кабелей и жеребцов, про саботаж, что всех посадит, особенно Лёшку Самохвалова, который как работать, так хрен найдёшь, а баб крыть, так равных ему нету. Лёшка служил на флоте, белобрысый здоровяк, был наша гордость и краса. Пил безбожно, от работы отлынивал, пока наш сосед дед Петя не застал его на сеновале с внучкой, вот тогда его и оженили, внучке Алёнке было 15 лет, тогда посадить могли, как и сейчас…, ничё, родила мальчика, а потом ещё троих Лёшке. А у нас не получалось. Маманя сходила к местной знахарке Шабанихе и принесла бутылку какого-то пойла, в котором плавала какая-то трава, поила нас этим отваром, по вечерам молилась на икону Казанской Божьей Матери, и вдруг Галя забеременела. Так в июне 51-го у нас родилась дочка, Танечка. Галя чуть не умерла при родах, врачи сказали, что очень слабый организм и еле выносила, что второго ребёнка уже не сможет, умрёт. Галя плакала по ночам, она очень хотела много детей. Танечку очень любили все, баловали. Она росла умненькой и весёлой. Через 3 года после её рождения заболела и умерла мама, а когда дочери исполнилось 7 лет, от нас ушла Галя. Нелепо. Собирали с бабами урожай в поле, начался дождь, простудилась. Вечером поднялась температура, отвёз её в больницу в райцентр. Всю дорогу она тихо плакала, просила не бросать Таню, говорила, что умрёт, что ей приснилась Маша, которую убили в лагере, и звала с собой. Я просил потерпеть, сейчас доедем, но доктор сказал, что это последствия лагеря, организм не справляется с болячкой, а наутро на моих руках она умерла. Не помню похороны, не помню, как отпевали, всё зыбко, как в тумане, помню, только, как Танечка меня обняла и сказала: «Папа, я тебя очень люблю», - понял тогда, что буду жить ради неё, ведь в ней искра моей Гали. Так мы остались вдвоём. Я и дочурка. Она с другими детьми пошла в школу, школа была в 5 километрах, в соседнем селе, туда я их и возил летом на телеге, а зимой на санях, потом их стали возить на автобусе. Мне дали в колхозе кобылу и телегу, кроме того, что я возил в школу детей, во время полевых работ возил на поля воду попить работникам, сено в коровник, молоко с фермы в райцентр. Но дочкой я занимался, мы много читали, мечтали о других странах, я рассказывал, как воевал. Она была круглой отличницей, учителя не нарадовались на неё. Собиралась поступить в институт. У нас кобыла ожеребилась и появился Априк. Танюшка очень любила его. Когда он подрос, ездила верхом, когда пасли коров. Красивая она у меня была, вся в мать… - Почему была? - Так вот, когда ей исполнилось 18 лет, приехал к нам на практику парень из сельскохозяйственного техникума. Красивый такой, Витя его звали. И стал он к Тане подкатывать, рассказывать, как в Москве хорошо живут, что там кино и танцы, денег получают тыщи. Она-то уши и развесила, собралась с ним ехать, но я не разрешил. Они-то переписывались, она каждый день в село бегала, на

почту, а после Нового года, в 69-м, получила письмо и собралась ехать к Витьке в Москву, а я в сердцах взял вожжи и ударил её, накричал, помню, а потом выпил стакан самогона и вообще дурной стал, как взбесился. А ведь не пил совсем, после контузии нельзя, а самогон держал для растирки, а тут…, - Иван Силантич как-то странно вздохнул. - В общем… ушла она… ночью, собрала вещи и ушла, а я утром запряг Априка и за ней, через реку, а там лёд тонкий, провалились мы под лёд, хорошо люди увидели и вытащили нас, а Таню я больше не видел. - Да, Москва большой город. - Ты вот что, мил человек, разыщи Таню мою, Стужина Таня, 51-го года рождения. Прошу, скажи, беспокоюсь я за неё, пусть приезжает, старый я стал. А у Витьки фамилия то ли Тихомиров, то ли Тахиров, на «Т» короче. - Попробую, отец, что-нибудь сделать. Москва большая, получится ли? - отказывать сразу человеку, который тебе помог, не хотелось, хотя с другой стороны и искать я никого не собирался, но не говорить же об этом Силантичу. - Попробуй, парень, очень прошу… Тпрруу, приехали, пойдёшь вон туда, направо, там станция недалеко, Пустынь называется, всего хорошего, про Таню не забудь, найди, передай, что мы с Априком скучаем. - Спасибо, Иван Силантич, за то, что подвезли, век не забуду, - сказал я, вылезая из под тёплой попоны. Снял и засунул под неё меховые варежки, сполз с саней. - Бывай, паря, но-о-о-о, Априк, пошёл! И они уехали, я ещё смотрел какое-то время на прозрачный кокон, внутри которого угадывался силуэт мужика на санях и звякал бубенец, пока всё это чудо не растворилось в белой пелене вьюги. Сразу навалились холод и вьюга, попытался прикурить, но не получилось, на ветру не хотела работать зажигалка и от снежинок быстро сырела сигарета, смял её, выбросил и пошёл направо, где за деревьями лесополосы виднелась платформа. Жёсткие удары снежинок обжигали лицо, погода как с ума сошла, пришлось опять замотать лицо шарфом. Две платформы, одна на Москву, вторая из Москвы, судя по жестяным табличкам, и ещё одна табличка с названием «Пустынь», странное название... Почему Силантич говорил с ударением на первом слоге? Потом узнаю у кого-нибудь. Жутко разболелась голова, на платформе никого не было. Электричку пришлось ждать полчаса, опять замёрз, зато потом развалился на деревянной лавочке в тепле вагона и уснул. Проснулся от того, что меня тряс за плечо какой-то мужик в дублёнке и лисьей шапке: - Парень, вставай, подъезжаем, Киевский вокзал. - Ага. Голова болела страшно, даже думать не хотелось - почему уезжали с Курского вокзала, а приехал на Киевский? От Киевского до общежития даже ближе, одна остановка на метро и дома. Доехал до метро «Студенческая», ещё чуть-чуть и дома. Общага встретила тишиной, на вахте занавешенные окна, на лестнице и в коридорах пустота. В комнате всё осталось, как и перед отъездом, взял чайник и кружку, пошёл на кухню. Что-то явно не состыковывалось, тишина давила, включил кран и налил в чайник воды, поставил на вечно горящую конфорку, мы её называли вечный огонь, потому что одна конфорка по закону кухни всегда должна гореть, вдруг у

кого спичек не будет, да и прикурить, если зажигалку забыл, мало ли. Стал мыть кружку от чайного налёта. - Ты чего в такую рань? - раздался голос сзади. Сказать, что я испугался - это ничего не сказать, я чуть не обосрался. Главное, что из-за шума воды я даже не слышал, что кто-то вошёл. - Бляя, привет, - я обернулся, за спиной стоял сосед Гоша из 309-й комнаты, в трусах, с полотенцем на шее и с чайником в руке. - Чё тихо так? Где все? - Дык, разъехались по домам, кто вчера всю ночь бухал - отсыпается. - А ты чего в такую рань? Кстати, сколько времени? - Шесть, начало седьмого, мне на работу, второе сегодня, моя смена, хорошо не на Новый год. Гоша был на пятом курсе, жил в комнате один, работал, к нему приходила на выходные девочка-москвичка, они громко трахались, что хорошо было слышно в коридоре, короче мы все ему завидовали, в наших глазах он был очень успешным студентом. Мы поболтали немного, пока не закипел чайник, и я пошёл к себе в комнату, и вдруг посередине коридора встал, как вкопанный. СЕГОДНЯ ВТОРОЕ ЧИСЛО. Где я был сутки? Голова снова заболела, вопросы возникали в мозгу, но вязли как в киселе. Одна только мысль: «Надо поспать» - была чёткой и ясной. Я плеснул кипятка в заварочный чайник, куда уже плюхнул пол пачки чая «слон» и, не раздеваясь, завалился на кровать. Последней чёткой мыслью было: «Неужели мне всё приснилось?» и я провалился в чёрную яму. - Сука, мудак, пидор гнутый!!! - я был сброшен с кровати на пол и получил пару чувствительных ударов ногой в бок. - Сука, как ты тут оказался? Мы же тебя два дня ищем, я думал, ты сдох! Серёга заплакал, закрыл руками лицо и зарыдал: - Сука, падла! - слышал я сквозь рыдания. - Привет, Жила, - несмотря на отбитый бок, я улыбался, потому что понял, что Жила переживал за меня, что Жила - настоящий друг. - Я думал, что ты сдох. - Да жив я пока, башка болела страшно, а теперь не болит, потому что рёбра болят, вернее они больнее, чем голова болят, - я, кряхтя, встал. - Пойдём, чаю попьём, сгущёнку будешь? Сгущёнка была Жилиной слабостью, я привёз из дома две банки и заныкал, а то бы Жила в первый же день меня бы на неё развёл, причём на все две банки. - Буду. - И за что ты меня так? - я хотел казаться спокойным, хотя всё моё Я вопило, что всё не так уж и хорошо. - Жэка травануся, в реанимации, еле откачали. Эти два мудака хотели его отвезти в поле и бросить там, но потом поняли, что свидетелей до хрена, решили его в больницу отвезти, еле успели. Когда врачи сказали, что будет жить, мы про тебя вспомнили, думали ты в туалете утоп. Ты же, как стакан маханул с этой хуйнёй, сразу встал, оделся и во двор пошёл. Мы двор обшарили весь, сарай, нет тебя, в сортире палкой с гвоздём ковыряли, нашли твои следы, ты дошёл до середины огорода и дальше они обрываются. Крючок на станцию мотался, а ты пропал. Мы все поля окрестные объездили. Я хотел в милицию заявить, но Игорь попросил этого не делать, мало ли что подумают, могут всех загрести за недоказанное убийство, у нас правосудие то ещё… Короче, пойду, Игорю позвоню, скажу, что нашёлся, а то он на стрёме, не дай бог труп по весне на участке всплывёт, мля, отметили

Новый год. Серёга черпанул две ложки сгущёнки из банки, запил холодным чаем и ушёл на вахту, где был единственный телефон. Так что же получается, я выпил отравы, пошёл в огород, взлетел, а приземлился в другой стороне Московской области? Но так же не бывает. Вернулся Жила, сказал, что все рады, что я жив-здоров, решили на следующий день отвезти спортивный костюм в больницу Жеке. Женьку мы видели после этого один раз. Каждый день с вахты звонили в больницу, узнавали как он, а когда нам сказали, что он уже ходит, мы в субботу решили к нему приехать. Купили блок сигарет, яблоки, мандарины. Он вышел к нам в курилку, молча, взял сигареты и пакет с фруктами, молча, выслушал мой рассказ про новогодние похождения, выкурил за время рассказа 2 сигареты и, молча, ушёл. - Жек, ты чего? - я попытался его догнать, но Серёга схватил меня за руку. - Не надо, Дим. - Что не так, просвети? - Просто он на нас обиделся, думает, что мы его хотели отравить. То, что ты тоже эту дрянь выпил, он не знает, вернее знать не хочет, считает, что ты пиздишь. Я, кстати, тоже так думаю, в смысле про твой рассказ. - Куда же я тогда делся? - Ну, ты мог, например, вернуться по своим же следам назад, спрятаться в сарае, а когда мы увезли Жеку, просто свалить на электричке домой. - А как же Силантич, Априк, я же тебе рассказывал, - моему возмущению не было предела. - Выдумал, нагнал мистики. - Писец, ты думаешь, я такое смог бы выдумать? - Ты смог бы. Я обиделся на Жилу и, хотя мы жили в одной комнате, не разговаривал с ним две недели, когда он приходил, то читал книгу или уходил попить чаю в другую комнату, к нашим одногруппникам. Потом приехала мама Жеки, она ходила по комнате, собирала Женькины вещи, одновременно рассказывая нам, как низко мы упали, как мы спаивали полгода её ангела-сына, какие мы мрази, что тюрьма по нам плачет. Собрала вещи и уехала. В универе Женьке дали «академ» и потом он перевёлся поближе к дому. Нам никого не подселили, и мы жили вдвоём в комнате. А как-то летом к нам заехал Жилин старший брат, он работал «следаком» в центральном отделении в Москве, жил тоже в общаге и иногда приезжал навестить брата. Он привёз кристалловской «Зубровки» две бутылки, пару банок китайской тушёнки «Великая стена». Мы сварили с тушёнкой макароны и сели выпить. А мне ночью приснился Силантич, ничего не говорил, только головой кивал. Я и спросил у Сани Жилина, может он пробить человека или нет. Он сказал, что без базара, если мне эта баба бабла торчит, то может за мелкий процент выбить долг, но узнав, что ей сорок и ищу я её для другого дела, сказал: - Литр «Рояля» ребятам и мы попробуем. - Хорошо. Я сбегал в магазин, литр спирта стоил 1000 рублей, такие деньги у меня были, написал на бумажке: «Стужина Татьяна Ивановна, год рождения - июнь 1951, возможно, в замужестве Тихомирова или Тахирова, на букву «Т». Через 3 дня приехал Жила-старший и привёз мне адрес Татьяны. Оказывается она с 69 года Тихомирова, муж Виктор Тихомиров, работает на заводе ЗИЛ, живёт в зиловской общаге на Автозаводской. Я взял Жилу и мы после «пар» поехали по адресу. Там

действительно была общага, но семейного типа. Мы долго стучали, нам открыла соседка, сказала, что Тихомировы на смене, будут вечером, после семи. Мы побродили по району, а вечером опять пришли по адресу. Дверь открыл мужик, узнал, кто мы, позвал жену. Она была высокая, статная женщина, очень красивая, но усталая какая-то, что ли. - Здравствуйте, я Татьяна Ивановна Тихомирова, что вы хотели? - Вы в девичестве были Стужина? - я, всё-таки, хотел проверить всё до конца, - родились в деревне Затулье? - Да, откуда вы знаете? - Дело в том, что я зимой встретил вашего отца, Ивана Силантиевича, он просил вас найти и сказать, что просит прощения и просит, чтобы вы к нему приехали, старый он стал, ждут они вас с Априком, дом без хозяйки. Она как-то сильно стиснула полотенце, которое держала в руках, и тут слёзы буквально хлынули из глаз фонтаном. Из двери выскочил муж, думал, что мы её обижаем, но потом, сообразив, обнял её и увёл в комнату. Мы повернулись, чтобы уйти, но тут вышел Виктор попросил нас зайти. Он рассказал, как в 69-м к нему в Москву приехала Татьяна, он тоже был не москвич, а с Урала, поэтому они устроились работать на ЗИЛ, где давали общежитие, сразу поженились, поступили в институт при ЗИЛе, окончили и вот он работает начальником цеха, а она в бухгалтерии завода. Теперь уже подходит очередь на квартиру, скоро новоселье, можно тогда и о детях подумать. Мы ещё посидели, попили чаю с печеньем и поехали домой. Сказать, что Жила был охреневшим - это ничего не сказать. Он молчал всю дорогу, а когда приехали в общагу, крепко пожал мне руку и извинился, думал, мол, что я пиздобол, а я такой… такой… человечище. Казалось бы, можно закончить эту историю, но неожиданно она получила продолжение. После первого курса нас отправили на обязательную практику, куда бы вы думали? Правильно, на ЗИЛ. В первый день нам выдали спецовки, которые уже один срок кто-то относил, причём, судя по дыркам, относил неаккуратно, негнущиеся ботинки из кирзы и распределили по цехам. Однажды на обеде в столовой Жила ткнул меня в бок и махнул головой в сторону двери. Я обернулся, там стояла Татьяна, увидев, что мы на неё смотрим, она повернулась и ушла. На следующий день она сама нас нашла в третьем механосборочном, где мы работали. - Можно с вами поговорить? - Да, Татьяна Ивановна, - я вынул заготовки, выключил станок и мы с ней пошли на улицу, где была курилка. - Дмитрий, скажите правду, вы, правда, видели отца? - К чему такой вопрос, как бы иначе я про всё узнал? Я же рассказывал. - Мы с Витей приехали в деревню, дом наш стоит, а папа вместе с Априком утонули на следующий день, после того, как я убежала из дому. У меня затряслись руки и выпала сигарета: - Не может быть, он же рассказывал, что их вытащили. - Вытащили, сани до сих пор на берегу стоят, мхом покрылись и заржавели, дом заколочен двадцать два года. Не знаю кого ты видел, но спасибо тебе, я боялась туда возвращаться, обиделась на отца, а он, видишь, через тебя прощения попросил… И ещё…, я беременна, двадцать два года у нас с Витей не получалось, а тут чудо, я в церковь ходила, за упокой

ему поставила, наверное это его благословение… .

Серёга - охотник за розовыми слонами

- Мужи-и-ик, мужик, слышь, чё скажу.

Так началось наше знакомство с Серёгой.

Я возвращался домой ночью с тусовки, погудели с пацанами в баре, поорали в караоке, потом, в 3 часа ночи, все стали расходиться. Кто-то вызвал такси, кто-то сел им «на хвоста», а я жил недалеко и решил пройтись, проветриться. Проходя мимо ночного ларька, тогда спиртное продавали круглосуточно, ко мне и обратился этот непонятный гражданин, в трениках, тапочках и, несмотря на лето, в зимней куртке на голое тело:

- Мужик, тебя как зовут?

- Вася, - быстро придумал я себе имя. - А что?

- Эт, Васёк, пойдём, чё-то покажу, только надо водки взять.

- Чё покажешь-то?

- Так это, розовые слоны опять полезли, на охоту пора, Миха свалился, а мне без напарника никак.

- Какие слоны?

- Так розовые же, - мужик как-то обречённо опустил руки, - сезон у них.

- У тебя не белая горячка, случаем?

- Да нет, когда белая горячка, то белки и чёртики мнятся, - оживился мужик, - а тут другое.

Я был тоже навеселе, решил приколоться:

- Пойдём.

- Только водки возьми, нормальной, не палёной.

Взял ему 3 бутылки нормальной «непалёной», хотя по этикеткам вроде бы самая, что ни на есть… . Себе взял бутылку вискаря, судя по этикетке и цене вроде бы

нормальный, душа требовала продолжения банкета, да и выходной завтра.

Зашли в старую «хрущёвку», по воняющей мочой лестнице поднялись на пятый этаж, мужик долго искал в своих трениках ключи, открыл старую дверь, обитую рваным дермантином, из которого торчали куски ваты. В прихожей он повесил куртку на вешалку:

- Проходи, Васёк, в комнату, не разувайся, у меня по-простому, я щас запить набодяжу.

Он пошёл на кухню, я в комнату. Квартирка была маленькой, в комнате стояла тахта с кучей каких-то тряпок, поверх которых возлежал маленький лысый мужичок в трениках и майке-алкоголичке.

- Это Миха, сосед, он мне слонов стрелять помогает, - сказал хозяин, входя в комнату, в руках у него была трёхлитровая банка с какой-то бурой жидкостью, - меня, кстати, Серёга зовут, а это запивка, варенье развёл.

В центре комнаты стоял стол, застеленный старыми газетами, со следами застолья: открытые консервные банки, набитые бычками, половинка чёрного хлеба, растерзанная неумелыми руками, грязные вилки и ложки, чешуя и внутренности рыбы, пара грязных тарелок, пустые пивные и водочные бутылки.

- Садись, - сказал Серёга, указав на старый стул с рваной обивкой, - у меня всё по-простому.

Обстановка была более чем спартанской, помимо тахты и стола с двумя стульями в углу, на тумбочке стоял старый, чёрно-белый телевизор «Рекорд».

- Ты, это, наливай, - Серёга схватил одну из бутылок водки, открутил крышку, взял со стола грязный гранёный стакан, набухал половину и жадно, залпом выпил. Я посмотрел как лихорадочно ходит туда-сюда кадык на его худой шее и поискал взглядом ещё один стакан, вся посуда была грязная. Взял второй гранёный стакан и пошёл на кухню. На кухне только железная мойка и газовая плита, больше ничего не было. Всполоснул стакан, встряхнул, вернулся в комнату.

Серёга запивал прямо из банки мутную жидкость.

- А-а-а, хорошо пошла, не палёнка, между первой и второй, как говорится, перерывчика нам не надо, - тут же набулькал ещё полстакана.

Я свинтил крышку с «вискаря» и тоже налил себе полстакана, про лёд спрашивать было бесполезно.

- Ну, будем, - Серёга чокнулся со мной и залпом выпил свою дозу, я пригубил. - Э-э-э, нет, до дна, не русский что ли?

Пришлось выпить до дна, вискарь был резким, с явным привкусом спирта, палёнка.

- Так вот, про слонов. Батя мой на них охотился, дед и прадед, может и прапрапрадед. Вишь, там за телевизором дырка в стене, отсюда не видно, хочешь, посмотри.

Я подошёл, посмотрел, никакой дырки за тумбочкой ни в полу, ни в стене не было. Да и дому лет тридцать пять, какой прапрапрадед?

- Нет тут никакой дырки, - сказал я.

- Просто ты не видишь, Миха тоже не сразу увидел, потом. Так вот, прут оттуда розовые слоны, может, там другая реальность, батя говорил, что так всегда было. Однажды они мамку напугали, она сбежала от нас. Слоны такие розовые, воздушные, как зефирки, вылетают, суки, и улыбаются. Убить слона можно только пробкой, батя мне передал по наследству рогатку и пробки, вот, - он достал из-под стола картонную коробку, полную пробок от шампанского, от вина, пластиковых и деревянных, там же лежали жестяные пробки от пивных и водочных бутылок, поверх лежала деревянная рогатка с толстой резинкой. - Смотри, как надо.

Он достал пробку от шампанского, вставил её в резинку, натянул и выстрелил. Пробка улетела в сторону и ударилась в стену над телевизором.

- Ничем его не убить, мы тут из воздушки по ним стреляли, даже участковый из «Макарова» стрелял, сосед Жорка из травмата, ни хера.

Я заметил, что стены вокруг телевизора действительно были выщерблены, даже следы от пуль, а вот на телевизоре даже ни царапинки, прикольно.

- Дай, я, - я взял у него рогатку, выбрал пробку от вина, пластиковую, натянул и выстрелил. У меня получилось ещё хуже, резинка ударила по пальцам, а пробка, сделав финт, ударилась в потолок, рядом с лампочкой, люстры в этом доме тоже не было. - Бля.

- Да, чтоб ровно летела, надо резинку завернуть, чтоб пробку раскрутить, - Серёга зачем-то стал закручивать резинку, положил пробку, натянул и отпустил. - Блин, зараза, вот у Михи хорошо получается.

- Он хоть живой?

- Щас посмотрим, - он подошёл к тахте. - Миха, Миха, вставай.

Он взял лежащего друга за щёки и стал трясти.

-У-у-у, пшёл ты, - сказало тело и повернулось к стенке.

- Вот, а ты говорил. Миха сегодня у себя на балконе нашёл ящик «Снежинки», омыватель такой раньше был, чудный вкус, хороший спирт, не «Огуречный лосьон», но тоже ценился. Я ещё подумал, что сегодня точно попрут, просто так ничего не бывает, они меня задабривают, чтобы я нажрался и проспал, а они бы в наш мир просочились и, знаешь, каких бы делов навертели? Может быть, даже война ядерная начнётся, они ж гады могут ихнего президента подменить и кнопку нажать или ещё чего сотворить, революцию какую в Африке, тогда негры к нам хлынут. У-у-у, коварные создания, а всё с улыбочкой, улыбочкой. А Миха этот ящик спи…онерил, когда дальнобойщиком работал, забыл про него, и тут раз, счастье, не БЫВАЕТ ТАК. Миха то он слабый совсем, вишь как развезло. А кто мне пробки подавать будет, когда они попрут? Наливай пока.

Он налил себе полстакана, я тоже, чокнулись молча, выпили, вкус палёного вискаря уже не казался таким противным.

- Продолжай.

- Так вот, батя говорил, что дед мой проспал в 41-м году и пара слонов просочились в мир, а тут и Гитлер нам войну объявил… Чуешь, чем всё может закончиться? Не-е-ет, мы будем на страже, - язык заплетался, он помял своё худое лицо, потёр мешки под глазами, - враг не пройдёт.

Налили, выпили, ещё раз налили:

- Ладно, давай за удачную охоту, - решил пошутить я.

- Поддерживаю, водка кончается, «Снежинку» будешь?

- Не, я такую хуйню не пью, - мой язык тоже стал заплетаться, мысли стали тяжёлыми, как чугунные чушки, голова еле соображала.

- Да ладно, никто не отравился ведь, ещё, это СэСэСэРовское, по ГОСТу.

- Ладно, плесни на глоток.

Он плеснул себе полстакана голубой жидкости из пластикового флакона, мне чуть-чуть.

- Вздрогнули! - чокнулись и выпили.

Как будто жгучее, горькое мыло проскочило в желудок, меня чуть не вывернуло, а Серёга упал под стол, как подстреленный. Немая сцена, я вскочил, хотел нагнуться, чтобы помочь ему встать.

- Гм, здравствуйте…

Я обернулся, из-за телевизора на меня смотрела и улыбалась РОЗОВАЯ МОРДА С БОЛЬШИМИ УШАМИ И ДЛИННЫМ ХОБОТОМ. Моя рука непроизвольно потянулась к рогатке…